

СТЕПАН АНИКАНОВ

МИХАИЛ АНИКАНОВ

Дед и внук — поэты

Стихотворения

Москва
2020

УДК 821.161.1-1 Аниканов
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
А67

А67 Аниканов С., Аниканов М. Дед и внук – поэты. –
Москва: «ММТК-СТРОЙ», 2020. – с.

ISBN 978-5-380-00187-8

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Аниканов С., Аниканов М., 2020
© Оформление ООО «ЗЭО», 2020

ISBN 978-5-380-00187-8

Звенья одной цепи

*Ведь у вас едина кровь,
Мать одна родила –
Чтобы ласка и любовь
Между вас царила.*

С. Ф. Аниканов

Эти стихи написаны давно и долго были достоянием семейных и государственных архивов.

Степан Аниканов – мой прадед по материнской линии, крестьянский поэт-самоучка.

Михаил Аниканов – его внук и мой дядя, поэт-фронтовик, метростроевец.

До весны 2019 г. знала о них мало, папка со стихами прадеда много лет хранилась дома просто как семейная реликвия; стихов дяди вообще не читала, а знать лично при его жизни не довелось.

Случайно оказавшись в апреле 2019 г. на малой родине поэтов в Кашире, я поняла, что их помнят и чтут.

Удивительной для меня была память каширян о своих земляках, желание сберечь, собрать по крупицам память обо всех, кого родила эта земля, желание знать свои корни. Это достойно уважения и преклонения, особенно в наше время, когда даже выстраивание генеалогического древа считается чуть ли не модой.

Знакомство с творчеством моих прадеда и дяди родило идею издания стихов. Печатать вместе, под одной обложкой или каждого отдельно? Вопрос не из лёгких. Уж очень разные стихи деда и внука. Каждому досталось своё время, и выбирать здесь не приходится: у каждого свои «начальные условия» жизни, уровень образованности, тематика стихов, стиль изложения.

Деду – Степану Аниканову – сплошная нищета в условиях дореволюционной деревни и первые десятилетия Советской власти. Стихи неграмотного самоучки неправильны по форме, просты до примитива. В этом их недостаток, но и преимущество на тот момент. Да и вообще, крестьянская поэзия – это некий особый культурный пласт и тема отдельного исследования, как «вы-

явления непосредственного крестьянского творчества» (А. Богданов о стихах С. Аниканова).

Внуку – Михаилу Аниканову – достались предвоенные тридцатые, Великая Отечественная война и послевоенные годы. Он получил среднее образование, затем среднее специальное; после войны занимался в разных литературных объединениях, был знаком со многими маститыми поэтами – своими современниками: С. Михалков, Е. Долматовский, Б. Ахмадулина, Ю. Друнина, Е. Богат. И вот его стихи уже вполне зрелые по форме.

Какие же темы звучат в стихах? А темы диктовала эпоха.

У Степана этих тем калейдоскоп: дореволюционная деревня, непосильный труд рабочих и крестьян, революция, гражданская война, хозяйственное строительство, коллективизация, коммуна, комсомол, смычка рабочих и крестьян, просвещение (третий фронт), равноправие женщин и т. д.

Михаил пришёл в поэзию в начале Великой Отечественной войны (больше двадцати его стихов посвящены военной теме), а затем был мирный труд, а в стихах – поэзия труда, рабочих профессий на Метрострое, любовь, дружба, природа. Он тоже не был профессиональным поэтом, писал о том, что знал, «с чем сжился душой». «...Труд, работа для него не литературная «тема», а нечто своё, взятое собственными руками, пережитое и выстраданное». Это стихи «не о труде вообще, а о труде в частности, о труде «из первых рук» (З. Паперный, 1964 г.).

И вот здесь замечаешь одну общую для обоих поэтов черту: как эхо, тот и другой откликаются на события времени. Их стихи не лирика, сосредоточенная на личных переживаниях, это жизнь страны, пропущенная через себя, жизнь духа в русле жизни народа. В этом – примета времени.

Эпоха становления Страны Советов, испытания войной, расцвета, как в зеркале, отражена в стихах Аникановых. Эта эпоха и рождала активных членов общества, коллективистов, неравнодушных, устремлённых в будущее, увлеченных самой идеей его построения. Её дух и отражён в стихах, по которым можно изучать историю СССР.

Внуку было девять лет, когда не стало деда. Через десять лет стихи молодого метростроевца опубликуют во фронтовой газете.

По времени вхождения в литературу внук будто принял от деда эстафету и понёс её через свою жизнь.

Зарождение и расцвет власти Советов достались обоим авторам. Внук защищал от врага то, что созидалось дедом. Невольно он воспринял от деда и горячее участие в жизни и судьбе Родины.

Этот ненаигранный патриотизм, как и тема труда «из первых рук», тянется через всё, вышедшее из-под пера обоих поэтов.

Чисто крестьянская любовь к земле, умение видеть её краски, слышать звуки, жить в её временных циклах также передались от деда к внуку, хотя второй был только пролетарием.

При желании в стихах того и другого можно найти прямые подтверждения этому:

*Я запряг лошадку,
Выехал пахать;
Посмотрел на поле –
Эка благодать!*

*«Красный пахарь»,
Степан Аниканов*

*Ему б с крестьянскою закваской
Пройтись по тёплой борозде
И отвечать на ласку лаской
Полям отзывчивым везде.*

*«Война солдата в бой бросала»,
Михаил Аниканов*

Как бы ни растворялся поэт в жизни народа и судьбе Родины, стихи отражают и его собственную личность.

Общие качества Степана и Михаила – независимость характера, принципиальность, прямота суждений.

Степан Фёдорович об этом прямо и говорит («Первая забота»):

*На войне и в тылу
Бодрый дух имею
И сказать, что не так,
Завсегда я смею.*

*Наверху и внизу
Смелость не теряю:
Я верхи и низы
За одно считаю.*

У Михаила – то же чувство собственного достоинства, подчас категоричность, неуступчивость, подкупающая простота и прямота («Новобранец»).

*У меня нет ордена
И других наград,
Но зато есть Родина.
Мать, отец и брат...*

Как гордо и просто! А ведь сказано многое. Здесь и истинная ценность жизни любого человека, и уверенность в правильности собственного пути, и независимость от внешних проявлений благодарности со стороны Родины.

Стихи сатирические – отдельная «песня». Во времена Степана было «не до неё». В советские послевоенные годы перо сатиры было оружием борьбы «с недостатками». Но здесь я соглашусь с редактором «Советского писателя» Дм. Голубковым в том, что «юмор плохо даётся стиху Михаила Аниканова».

Оба поэта при жизни много печатались в различных газетах и были востребованы. Оба мечтали быть изданными отдельной книгой и делали всё возможное для этого.

В архиве Степана Аниканова находим список 1920 г. «Выбранные стихи для печати Государственным издательством», об этом же – в переписке с П. Я. Заволокиным в 1922 г.; в общении с В. Д. Бонч-Бруевичем, которому автор в том же году передал в тетради 167 стихов.

Михаил Дмитриевич Аниканов готовил сборники стихов «Крыша мира» (1962 г.) (авторское дело на этот сборник хранится в РГАЛИ), «Вчера и сегодня» (1973 г.), сборник стихов для детей.

Но для последнего решающего рывка не хватило сил. Здоровье одного поэта было подорвано непосильным трудом в дореволюционной деревне и на фабриках, второго – тяжелейшими военными контузиями и ранениями.

В обоих случаях результат – инвалидность:
*Отдал я тебе, Родина, всё –
И здоровье своё, и песни.*

*«Я снова смогу»,
Михаил Аниканов*

Эти слова Аниканова-внука вполне применимы и к деду.

Символично, что наивысший подъём агитаторской, а значит, поэтической активности Степана Фёдоровича пришёлся на 1919 год, когда автор был связан с родным Каширским краем, и ровно через сто лет его стихи вновь «пробудились к жизни»: папка с надписью «РУЖД. 1919» (Рязанско-Уральская железная дорога) дождалась человеческих рук и внимания.

Символично и то, что стихи фронтовика Михаила Аниканова были найдены в архивах РГБ и поэтических сборниках у родни ровно через 40 лет после его ухода из жизни и в преддверии 75-летнего юбилея Великой Победы.

«Пора эту книгу издать!» – воскликнул Зиновий Паперный, один из рецензентов «Советского писателя» почти шестьдесят лет назад. Ну, что ж, таким образом, издание этой книги сейчас есть исполнение долга перед ушедшими поэтами. Они завещали.

Лично мне дороги стихи и Степана Фёдоровича, и Михаила Дмитриевича. По совпадению жизненных ценностей.

Оба всю жизнь трудились и в стихах воспевали труд и Родину. Это два необходимых слагаемых счастья любого человека, независимо от счастья личного, частного.

Но это ещё не всё. Степан и Михаил Аникановы – мои родные. Через стихи они помогают мне понять себя, ощутить незримую связь с ними не только кровным родством, но будто частью целого, звеном неделимой цепи.

Степан всю жизнь стремился к знанию, просвещению, мечтал стать сельским учителем, нести свет знаний людям.

Многие представители нашего рода стали инженерами, художниками, врачами, дипломатами, учителями, проявили себя героями на фронтах Великой Отечественной войны.

Прямота и принципиальность отличали мою маму и бабушку. Постоянное стремление работать над собой заставило Александр

ру Степановну Аниканову, школьную учительницу, даже в старости, тяжело больной, ежедневно садиться за письменный стол и заниматься умственным трудом – конспектировать книгу Н. Шер «Рассказы о русских писателях».

Я часто спрашиваю себя: «Почему я стала учителем?» Зачем эта ответственная задача? Учитель, по выражению Р.Рождественского, «профессия дальнего действия, главная на Земле».

Теперь, зная стихи и жизнь своего прадеда, отвечаю: «Он завещал». Это его «дальнее действие» на нас, потомков.

Данное издание представляет собой некий опыт «семейной книги».

Кроме того, что два поэта связаны родственными узами, в художественном оформлении использованы рисунки моего деда по материнской линии, художника Андрея Андреевича Брея (1902-1979), который приходился зятем Степану Фёдоровичу Аниканову.

Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю признательность всем, так или иначе причастным к изданию книги. Это уважаемые сотрудники Каширского краеведческого музея; родственники: Грачёв Юрий Васильевич, Апухтина Галина Михайловна, Клабукова (Осина) Татьяна Андреевна, Стацкевич Светлана Александровна, Старченко Наталья, Аксёнова Екатерина, Сурогин Александр, Солдатенко Владимир.

Отдельно благодарю вдохновителя и организатора, поисковика и краеведа, поэта и литератора Андрея Александровича Тернова.

Елена Викторовна Брей

Родина побед

Когда я работал над «Антологией поэзии и прозы каширян и авторов каширских литературных объединений» (2018 г.), на меня произвели впечатление два удивительных автора с одинаковой фамилией – Аникановы. Информации о них было очень мало, но со временем хотелось узнать больше об этих удивительных земляках.

Открывает антологию поэт С. Ф. Аниканов (или кр. С. Аниканов), который чаще других авторов публиковался на страницах «Каширских известий» в первые годы Советской власти. Имени и отчества этого автора я в газете не нашёл, но в книге «Писатели современной эпохи» под редакцией Б. П. Козьмина (Москва, 1928 г.) они были.

Выяснилось, что Степан Фёдорович Аниканов родился в селе Богатищево-Подлесное 5 января 1864 года, «грамоте научился самоучкой». Отправился в Москву, где поступил во второй класс воскресной школы. Какое удивительное дело! Эдакий наш каширский Ломоносов, хотя в основном преуспел на ниве стихосложения. Но какой пример для подражания! Вот что завещал нам Степан Фёдорович:

*Где бы ни было – трудиться,
Труд нести, всему учиться
До пота лица
С детства до конца.*

*«Долой охи»,
Степан Аниканов*

Конечно, стихи малограмотного крестьянина-самоучки просты, как частушки, не самая сильная рифма, не самая богатая образность, но они сыграли историческую роль в качестве агиток, и эта форма поэзии в то время была к месту. Не зря Степан Фёдорович как один из лучших агитаторов Восточного фронта был принят Владимиром Ильичём Лениным. Однако персонального сборника Степану Фёдоровичу так и не удалось выпустить: революция свершилась, поменялись политические акценты, и

никто не помог поэту-самородку издать книгу, хотя публикации в газетах и коллективных сборниках были.

Второго поэта по фамилии Аниканов я уже встречал в «Антологии поэзии каширян» (2013 год), составленной Алевтиной Николаевной Гришиной, где опубликована его поэма «На каширском тракте» («Кашира»). Но тогда я мало что знал о Михаиле Дмитриевиче Аниканове. И вот из газеты «Огни коммунизма» за 10.04.1962 г. узнаю, что он тоже уроженец села Богатищево-Подлесное. Родственник Степана Аниканова? Или просто совпадение? Были только догадки. А ещё Михаил Аниканов – поэт-фронтовик, участник Великой Отечественной войны, на фронт ушёл добровольно в 1941 году. После демобилизации вернулся на «Метрострой», то есть – метростроевец. Тоже удивительный человек. А какие пронзительные стихи! И хотя мне удалось познакомиться только с четырьмя его стихотворениями и поэмой, я понял, какой это прекрасный сплав чуткости, мудрости, благородства.

*У меня нет ордена
И медалей нет,
Но зато есть Родина,
Родина побед.*

*«Новобранец»,
Михаил Аниканов*

Естественно, захотелось найти другие стихи Михаила Аниканова, узнать о его судьбе. И, наконец, случай расставил всё по своим местам. Каширский краеведческий музей посетила правнучка Степана Аниканова – Елена Викторовна Бреј (внучка художника-оформителя Андрея Андреевича Брея). Мне передали её контакты, и я связался с ней. Оказалось, Михаил Дмитриевич Аниканов – внук Степана Фёдоровича Аниканова. Вот она – поэтическая династия коренных жителей Каширского района, богатищевцев. И Кашира – малая родина побед!

Елена Викторовна, составитель родословного древа Аникановых, дала мне адрес Татьяны Андреевны Клабуковой, тоже племянницы Михаила Аниканова, а та, в свою очередь, поделилась некоторыми архивами и воспоминаниями. Оказывается, Миха-

ил Дмитриевич делал мозаику в метро, одна из любимых его станций была Новослободская. Он причастен к оформлению смальтового панно «Мир во всём мире» художника Павла Корина. Символично, что на панно изображена Родина-мать с ребёнком на руках, та самая Родина побед.

Чудесным образом у Елены Викторовны оказалась увесистая папка черновиков Степана Фёдоровича Аниканова, где хранятся и стихи, написанные в позапрошлом веке. Бесподобный раритет. А вот про своего дядю Михаила знала совсем немного, и стихов его у неё не было. Как удалось узнать впоследствии, и рукописи, находившиеся у дочери Михаила Дмитриевича, были утеряны. Пришлось нам идти в Ленинку и искать газеты со стихами. Мы проштудировали подшивки «Метростроевца» с 1946 по 1979 г. (год смерти поэта), долгопрудненские газеты (Михаил Аниканов жил в Долгопрудном) «Знамя коммунизма», «Вперёд», «За коммунизм» (г. Мытищи). Были также найдены публикации в «Труде», «Строительной газете», «Ленинском знамени», в журнале «Смена» (1959 г., №7), альманахе «День поэзии» (1961 г.). Литературное объединение «Клязьма» (г. Долгопрудный) предоставило публикации Михаила Аниканова в альманахах «Долгие пруды» (даты произведений в сборнике – это в основном даты публикаций стихотворений в прессе).

Выяснилось, что Михаил Дмитриевич занимался в литературных объединениях, прислушивался к мнению маститых поэтов, в том числе и Евгения Долматовского. Он много работал над стихами, скрупулёзно, как говорится, доводил их до ума. Поэтому в разных изданиях появлялись разные варианты одного произведения (в этой книге читатель может найти такие варианты). А вот персонального сборника, как и дед, издать не смог.

У Михаила Аниканова было плохо со здоровьем: давали себя знать две контузии, полученные на фронте. Но, пенсионер в тридцать пять лет, он не сидел без дела:

*Пальцы словно онемели,
Часто ноют по утрам.
Но они ещё в постели
Так и тянутся к делам.*

*«Слово труженика»,
Михаил Аниканов*

Примечательно, что и Степан Аниканов – правда, уже в зрелом возрасте – пишет подобное:

*Слабнут руки, слабнут ноги,
Но не слабнет ум,
Больше бодрых и весёлых
Я имею дум.*

*«Учиться никогда не поздно»,
Степан Аниканов*

Михаил Дмитриевич не сдавался болезням и невзгодам, старался бытовые вопросы решать самостоятельно, а вот о литературной помощи просил. В письме (найденно в архивах РГАЛИ) заведующему редакцией советской поэзии издательства «Советский писатель» Г. Исаеву он пишет: «Вы должны понять, что я не мальчишка, мне пятый десяток. Все мои товарищи по Всероссийскому семинару молодых поэтов, который состоялся в г. Смоленске, имеют по 2-3 книжки, а у меня ни одной. Жду «скорую помощь».

Увы, не дождался.

И вот теперь для восстановления справедливости мы выпускаем сборник стихотворений деда и внука Аникановых. Каждый из них умел преодолевать жизненные преграды, любил свою Родину, желал ей только добра, сражался ради неё. Этому их стихи учат и нас, тех, кто идёт следом. Чтобы наша страна, наша малая родина и впредь остались Родиной побед.

Андрей Тернов,

Руководитель литературного объединения «Зодиак»
и молодёжной поэтической студии «ГороСкоП»,
член Союза писателей России,
член Союза журналистов России

Степан Фёдорович Аниканов

Степан Фёдорович Аниканов (05.01.1864 (23.12.1863) – 22.04.1931) родился в селе Богатищево-Подлесное Тульской губернии, в крестьянской семье. Его дед и прадед по отцу в течение тридцати пяти лет были бурмистрами (управляющими помещичьим имением). Но семья мальчика жила в крайней нужде, и он вынужден был работать подпаском.

Когда Степану исполнилось десять лет, он ушёл вместе с богомолками в Москву, где определился учеником на табачную фабрику.

Через три года «заболел, жил в деревне, где выучился читать и писать, выучив грамоте и двух богатищевских мальчиков».

Возвратившись на фабрику, посещал вечернюю школу, познакомился с революционно настроенными студентами Московского университета и в двадцать лет под их влиянием начал писать «крамольные стихи». Больше всего впечатлили его стихи И. С. Никитина.

До сорока лет почти нигде не печатался. Дебют состоялся в 1904 году: в сборнике «В поисках света» были напечатаны «Жизнь», «Ткач», «Труды крестьянина», «В трудную минуту»... С этого времени наш земляк активно сотрудничает во многих столичных газетах и журналах, коллективных сборниках поэтов-самоучек, передовых изданиях.

На своём веку Степан Аниканов освоил много профессий: был каменщиком, извозчиком, конторщиком, полгода работал на ткацкой фабрике. В 1898 году подвергнулся аресту за чтение политических книг. Некоторое время работал в Петербурге.

Победу Великого Октября Аниканов встретил восторженно. В то время он работал техническим сотрудником и корреспондентом газеты «Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», в газете «Беднота».

В 1919 г. был откомандирован в агит-инструкторскую школу, где учился около двух месяцев, и затем отправился на агитпоезде на Восточный фронт. В том же году в числе лучших агитаторов фронта был принят В. И. Лениным.

Вскоре после этого по мобилизации С. Ф. Аниканова отправили в Ярославскую губернию, где он встретился и познакомился с А. В. Луначарским, передал ему три стихотворения, которые им были приняты и вскоре напечатаны в «Известиях ВЦИК» за 1919 г., а оттуда перепечатаны в календаре.

В первые послереволюционные годы Степан Аниканов тесно связан с каширским краем: в 1919-20 годах служил в Кашире заведующим

книжным магазином; с 1921 года был сельским комиссаром в родном Богатищево, а до этого, с начала 1918 года – председателем комитета бедноты в организованной им в родном селе «коммуне». Именно в эти годы он активно работает в уездных «Каширских известиях».

В начале 1922 г. В. Д. Бонч-Бруевич принял от С. Ф. Аниканова тетрадь в количестве 167 стихотворений и обещал в непродолжительном времени выпустить их отдельной книгой.

Степана Аниканова хорошо знал М. И. Калинин, с которым встречался и беседовал на Съезде селькоров «Бедноты» и которому посвящено стихотворение «М. И. Калинин».

В 1919–1928 годах много печатался в провинциальной периодической печати. Уже в преклонном возрасте – в 1930 году окончил Высшие государственные литературные курсы. Автобиографические записки о себе опубликовал в газете «Московская деревня» в мае 1925 года.

За свои заслуги перед революцией С. Ф. Аниканов был обеспечен Совнаркомом персональной пенсией.

Жена Степана Фёдоровича – Ольга Григорьевна Аниканова, от которой было 12 детей, 5 из которых достигли взрослого возраста.

Почти до конца своей жизни жил на берегу реки Оки, в ткацком поселке Озёры, ставшем в 1925 году городом.

Стихи С. Ф. Аниканова см. в сб. «В поисках света». М. 1904 г.; «К заветной цели». М. 1905 г.; «Песни друзей». М. 1910 г.; «Старый дуб». М. 1904 г.; «Калиныч в песнях крестьянских поэтов». М. 25 г. В журн.: «Огни». М. 1905 г.; «Воля труда». 19 г.; «Рабочий Журнал». 19 г.; «Крест. журн.». 25 г.; «Рабочая неделя». 26 г.; «Новая деревня». 26 г.; «Жернов». 26 г.; «Печатник». М. 26 г.; «Путь рабселькора». 27 г. В газ.: «Звезда». 10 г.; «Мужичья правда». 10 г.; «Церковный листок». 14 г.; «Каширские известия». 18–20 и 27 гг.; «Ярославские известия». 18–20 и 28 гг.; «Изв.». 19 г.; «Пр.». 19 г.; «Беднота». 19–25 гг.; «Красный воин». 22–26 гг.; «Рабочая газ.». 23–25 гг.; «Крестьянская газ.». 25 г.; «Московская деревня». 25–28 гг.; «Долой неграмотность». 26 г.; «Третий фронт». 26 г.; «Гудок». 27 г.; «Текстиль». 28 г.

Дореволюционные стихи

Молитва ученика

Молюсь Тебе, Творец Великий,
Прошу мне знание послать,
Создатель мира, Царь Вселенной,
Ты ниспошли мне благодать.

Своею творческой рукой
Наставь, Всесильный, научи,
И силой вышнюю, святой
Прославь, Владыко, пред людьми,

Чтоб я при помощи твоей
Закон и истину познал,
По доброй благодати твоей
В ряду с учёными я стал.

1887 г.

* * *

Люблю песни я петь,
Хороводы водить,
На красоток смотреть,
В хороводах ходить.

Пусть ругает жена,
Тёмну ночь не спит,
Во мне страсть рождена,
Не могу разлюбить.

Пока молод, здоров,
Буду петь и плясать,
По ночам у кругов
Веселиться, гулять.

Пока сила во мне
И кровь в жилах кипит,
Есть веселье в душе,
И к веселью манит.

Придёт время, пройдут
Молодые года –
Будет чем вспомнить
Свою младость тогда:

Что был весел, удал,
Когда молод я был,
В праздник ночи не спал,
Хороводы водил.

1887 г.

Воспоминание

Мне припомнилось былое,
Как я жил и как я рос.
В детстве знал я только горе,
Был я голоден и бос.

Мне в лохмотьях приходилось
Дни и ночи коротать,
Под ярмом тяжёлой доли
Слёз немало проливать.

В детстве я не знал утечи,
Тёплой ласки не встречал.
Шестилетним мальчуганом
В люльке брата я качал.

Был я нянькой и подпаском,
А холодной зимой
Из села в село бродил я,
Побирался я с сумой.

Десяти я, горемыка,
Уж на фабрике служил,
Где нас мастер делу-знанью
Колотушками учил...

Всё, что было, миновало.
Все я беды перенёс.
Но теперь-то лучше ль стало?
Кто ответит на вопрос?

Думал я: отрадней будет,
Вырасту когда большой:
Будет меньше слёз и горя,
Просветлеет край родной.

Но он тѣмен, как и прежде...
Только наш родной народ
Под ярмом тяжёлой доли
Всѣ же движется вперед.

*(Печатано в журнале
«Родные думы», 1909 г.)*

Папиросник

С детских лет я стал фабричным,
Много горя испытал.
Надоел мне шум столичный.
Здесь я силу потерял.
Надоел мне город шумный
Так, что жизни я не рад,
И живу я, как безумный,
Только думами богат.
И желал бы жить на воле,
А не в каменных стенах,
И работать на просторе –
На родимых на полях.
И ходить бы за сохою,
Свою пашеньку пахать.
Мне ж назначено судьбою
Здесь, в столице, проживать.
И живу, слугой бываю
Фабриканту-богачу,
Пыль табачную вдыхаю –
Папиросы я кручу.
Папиросы – что за дело?
Покурить лишь – для других.
У меня же пожелтело
Лицо белое от них.
У меня и грудь больная,
Кашель давит грудь мою.
Износилось моё тело,
И больной я песнь пою
Про работу тяжкой жизни,
Про фабричное житьё.
Всё отдал я фабриканту:
Жизнь, здоровье своё.

1889 г.

Ткач

Стучит машина ткацкая,
Бьёт с быстротой батан,
Неслышна песня братская,
В глазах стоит туман.
От сильного от грохота
Не слышен разговор,
А ткач стоит без ропота,
Глядит в бёрдо* в упор.
Вот нитка обрывается,
И вылетел челнок,
Сосед стоит ругается:
Его ударил в бок.
Другой станок разладился,
Летит его челнок
И с силою ударился
Концом своим в висок.
Ударил с силой новою –
Обратно отскочил,
Лишь видно кровь багровую –
Висок ткачу пробил.
Тем челноком ударило
Ткачихе прямо в глаз.
Машина та изранила
По жизни много нас.

*(Печатано в сборнике
«В поисках света», 1904 г.)*

*Бёрдо – принадлежность ткацкого станка, гребень для прибивания утка к ткани (словарь Д.Н. Ушакова, 1935 г.)

Мостовщик

С детских лет до самой старости
Мостовые я мостил;
Мало в жизни видел радости,
Много горести испил.

Подбирая камень к камушку
В бесконечные ряды,
Их вбивая в землю матушку,
Терпеливо нёс труды.

Солнце жгло меня без жалости,
Спал на камнях в полдень я,
С детских лет до самой старости
Здесь постель была моя,

Как перинушка пуховая.
Спишь на ней ты, что убит,
А кругом тебя торговая
Бойко улица шумит...

Встанешь вновь с открытым воротом,
Черепашкой поползёшь,
Терпеливо звонким молотом
Каждый камень подобьёшь...

Точно жемчугом униженный,
Путь ложится за тобой,
Каждый камушек, обрызганный
Пота каплей трудовой.

Что ж за все труды тяжёлые
Видел здесь я, мостовщик:
Дни голодные, суровые,
Плач жены да детский крик.

Эх, о чём-то в землю вбитые
Камни ропщут и шумят,
То не силы ль мои скрытые
О терпении говорят...

*(Печатано в сборнике
«К заветной цели!», 1904 г.)*

Жизнь

Нам жизнь – река глубокая,
Потонешь в ней как раз,
И, как страна далёкая,
Неведома для нас.

Порой стоишь в раздумии:
Куда теперь пойти?
Становишься угрюмее,
Где счастье мне найти?

А мысли невесёлые
Куда-то всё влекут,
Как реки многоводные
Вперёд, вперёд бегут.

Шумят волнами сильными,
Разбившись о порог,
Пороги здесь невинными
Зовутся, знает Бог.

Так силы разбиваются
Рабочих у купцов,
Купец же усмехается:
«Немало вас, глупцов!».

1904 г.

В трудную минуту

Зачем мне жизнь дана?
Для счастья иль для мук?
Душа тоской полна,
И вздулись жилы рук.
Я слышу плач детей
Голодных и нагих,
Не вижу в жизни сей
Утешить чем бы их...
Тружусь и день, и ночь,
Всю жизнь вина не пью,
Но стало мне невмочь
Кормить свою семью.
И где тут водку пить,
На что и покупать?
Пришлось нам скупно жить,
До гроба голодать.
Бесценен труд людей
Давно во всех делах.
Как накормить детей
Бездольных в городах?

1904 г.

Раздумия

Мне не страшен грозный голод,
Гнёт суровой доли,
Вырос я, бедняга, нищим,
Без любви, в неволе.
Не страшна зимой мне вьюга,
Вьюга снеговая,
Встречу я мороз, как друга,
Мне зима – родная.
Мне нередко попадались
Трудные дороги:
Наметет сугробы вьюга –
Нет в пути подмоги.
В них Пегашка то и дело
Вязнет, бьёт ногами,
За оглоби ухвачу я
И тяну руками,
Помогаю и кричу ей:
«Но, тяни, родная,
Нам одна с тобой досталась
Долюшка лихая
Без пути и без дороги
Вязнуть в снег глубокий.
Но когда-нибудь проложим
Путь для всех широкий».

1910 г.

Труд крестьянина

Труд крестьянский – труд тяжёлый,
Но он честный был всегда.
Им крестьянин закалённый
Кормит веси, города.

Кормит Русь свою родную,
За границу шлёт он рожь,
Любит жизнь он трудовую,
И в труде всегда хорош.

Лет тринадцати мальчишка,
Смотришь – ходит за сохой,
А вдовы такой сынишка
Даже тащится с косой.

С детских лет в мозолях руки,
Лямку тянет, как большой;
Эх, как много здесь науки,
В этой жизни трудовой.

И напрасно белоручки
Плохо ценят мужиков –
Побывать бы без отлучки
За работой бедняков.

Побывать и поучиться,
Поработать на полях,
Вот тогда бы и гордиться
С ними вместе и в трудах.

*(Печатано в сборнике
«В поисках света», 1904 г.)*

Страдалец

Великий страдалец,
Наш русский народ,
Свободный и гордый,
Иди ты вперёд!
Иди и не бойся
Казацких плетей,
Разбились оковы,
Железных цепей.
Им вновь не воскреснуть
На ниве родной,
Да здравствует царство
Свободы живой!

1905 г.

Сосед

По соседству с нами
Жил Степан старик.
Стар он был годами,
Матерой мужик.

Набожный, смиренный,
Водки зря не пил.
В слове, в деле верным
Постоянно был.

Не солжёт, бывало,
Ни пред кем, ни в чём,
Этаких ведь мало
Мы теперь найдём.

И за то Всевышний
Наградил его –
Дом его – отличный
Из села всего.

И скотины много,
С пчёлами колод.
С помощью Бога
Был во всём приплод.

И росли достатки
У него кругом.
Но не весь в порядке
Был Степанов дом.

Очень недоволен
Старичок сынком:
Сын-то слабоволен,
Знался с кабаком.

Как запьёт, бывало –
Не уймёт отец.
Старика не стало –
Дом пропал вконец.

Продал сын лошадок,
Как метла прошла,
Всё пошло в упадок:
Водка всё взяла...

По усадьбе смело
Ветер загулял,
И Степана дело...
Труд его пропал.

*(Печатано в сборнике
«В поисках света», 1904 г.)*

Рассказ старика

Я сараев крыш покрыл
В жизни очень много,
И Господь меня хранил,
Грешника такого.
Но случилась беда,
И беда большая;
Я не падал никогда –
Вдруг упал с сарая.
Весь разбитый я лежу,
И едва ли встану,
И, как прежде, не хожу
Помогать Ивану.
Мой Иван-то – сын родной,
Мужичок хороший...
А Димитрий, сын другой,
Вовсе с ним не схожий.
Тот, Димитрий-то, – солдат,
А Иван – крестьянин,
Тот ему по крови брат,
Жизнью же – не равен.
Трудно будет одному
Моему Ивану...
Не надел бы он суму,
Если я не встану.
Да и верно мне не встать,
Знать, пора в могилу;
А хотелось помогать,
Если Бог даст силу...
Но да будет Он, Творец,
В жизни нашей волен...
Если мне пришёл конец,
Я и тем доволен.
Жаль Ивана! Плохо жить
Без меня он станет...
Как ему детей растить?
Он и сам хворает.

Последствие водки

Разбились тяжёлые цепи;
Не стало рабов и господ.
Связались винные сети,
В них гибнет наш русский народ.
Родится большое потомство,
В семье неприятность, раздор,
Да, с водкой плохое знакомство –
С ней будешь и нищий, и вор,
Пастух и работник век будешь,
И рваный, разутый ходить,
Родную семью позабудешь,
И совесть легко утопить.
Не в волнах реки, океана,
Не в самой большой глубине –
Потопишь ты совесть и счастье
И в водке, и в пиве, в вине.
Ослабнут и воля, и силы,
Ослабнут и нервы, и ум,
И крепкого сна ты лишишься,
Лишишься хороших и дум.
И рано сойдёшь ты в могилу,
Никто не помянет добром,
А скажут надгробное слово:
«Знаком был приятель с вином».

1914 г.

Памяти А. В. Кольцова

В дни народного страдания,
В дни владычества оков
Славный, равный по призванию
Был мужик – поэт Кольцов.

Спел Кольцов немало песен,
А теперь их Русь поёт,
И в народе песни эти
Будут жить из рода в род.

В день столетья с дня рожденья
Несравненного певца
Да почтят Кольцова память
Благородные сердца.

Ныне этот день великий
Чтим мы дружную семьёй.
Он – писатель из народа
И по духу нам родной.

1909 г.

Посвящается И. З. Сурикову

Ты – певец нужды, и горя,
И народного труда –
Спел нам песню, как свершалась
Казнь за прошлые года.
Эта песнь тобой певалась
Про Степана казака
И в наследство нам досталась
От поэта-мужика.
Спел ты нам немало песен,
Спел и долю бедняка,
Про крестьянскую девицу,
Жизнь которой нелегка.
То коров она доила,
Раньше нянькою была,
Гасла сила молодая,
Не расцветши, отцвела.
Грустно пел ты на могиле
Своей матери родной,
Про отца ты ей поведал,
Что он стал совсем чужой.
Почему же песни грусти
Поэт Суриков писал?
За обиженных судьбою
Он душой своей страдал.
И за грустные мотивы
Получил поэт упрёк.
Но и сам певец печали
Был от радости далёк.
Жизнь его порядком мяла,
Школу бедности прошёл.
Потому и с грустной думой
По пути земному шёл.

Потому и песни грусти
Вылетали из груди.
Жизнь тянулась без просвета,
Мнилась темь и впереди.
И певец нужды и горя
В песнях жил не головой,
Жил с народом, его муки
Принимая всей душой.

*(Читано в 1916 г. в музее у Гужона,
в школе и в доме Курникова)*

Балалайка

Что-то давит грудь и душу,
Что-то на сердце тоска.
Иль сыграть на балалайке
Да сплясать мне трепака?

Грусть мою она разгонит,
Струны душу веселят
И, как будто бы живые,
Много правды говорят.

Порасскажут про деревню,
Про крестьянскую нужду
И о том, как нет почёта
Непосильному труду,

Как едят в деревне нашей
Хлеб с мякиной пополам,
Как нигде не видно счастья
Деревенским беднякам.

Как их жмут везде и всюду
Мироеды кулаки,
Как им нет нигде покоя
От тревоги и тоски.

Как твердят им все и всюду:
Вы привыкли к кафтанам
Да к овчинным полушубкам,
К рваным, грязным зипунам.

Обувь – лапти и онучи,
Хорошо вам в них пахать,
Ну, а грамоту, науку
Вам не надо вовсе знать.

И не надо ваших деток
К свету, знанию вести,
Ближе будет путь к казёнке,
Легче водку им найти.

Эх, родная балалайка,
Грустно песни петь с тобой
О крестьянской жизни бедной
С беспросветною нуждой.

Что же петь теперь, не знаю,
Чем потешить бы народ?
Эх, да пусть за нас с тобою
Буйный ветер допоёт!

Мы ж с тобой и так устали,
Поплетёмся, отдохнём.
А потом мы, сил набравшись,
Песни новые споём.

*(Печатано в народном журнале
«Балалайка», 1910 г.)*

«ПЕСНИ НОВЫЕ»

Наши путь

Мы тернистою дорогой
Долгий путь прошли.
Нас сажали и ссылали,
Били, как могли.

Били палкой и нагайкой,
Гнали и сквозь строй.
Погибал так за свободу
Не один герой

По дороге и в Сибири,
В ссылочной тюрьме.
Эту долю приходилось
Испытать и мне.

За искание свободы
Был и сослан я.
Там с вождем великим нашим
Жизнь текла моя.

Но росло у нас желанье –
Сбросить с шеи гнёт.
Против бар и капитала
Выступал народ.

Крепче держит он винтовку,
Чем богач-купец.
Господам и богачам
Всем придёт конец.

Сила стала не в богатстве,
В барах и купцах,
А в сознании рабочих,
В крепких их руках.

По всему земному шару
Будет власть одна.
И тогда восторжествует
Русская страна.

Этот праздник наш великий
Будет мировой,
Будем мирно мы трудиться,
И войну – долой!

*Памяти
освободителей*

Под ярмом тяжёлым
Мы века прожили.
Ленин и товарищи
Нас освободили.

Из-под рабства – гнёта
Богачей купцов,
Что всю жизнь теснили
Дедов и отцов.

Барина сравнивали
С пахарем земли.
Многие за это
Мёртвыми легли.

Пусть их нет на свете –
Память о них будет.
И народ трудящийся
Дел их не забудет.

*(Печатано в Кашире,
28 августа 1920 г.)*

П. Я. Заволокину

Довольны ль вы, что я послал
В ответ стихотворенье,
Своё рожденье описал,
Когда, в каком селении,
В каком году и месяце,
Какого и числа –
И описал про жизнь свою,
Как жизнь моя текла?
Мальчишкой был – скотину пас
И по миру ходил,
Я не скрываю и от вас,
Что мужику служил.
Служил купцу и барину
В деревне и в Москве,
И мысли всё печальные
Ведь с детства в голове.
Хотел учиться грамоте –
Отец учить не стал,
По бедности к учителю
Меня он не послал.
В Москве я в праздник вечером
Стал школу посещать,
До школы самоучкою
Учился я читать.
В печать пошёл мой первый стих
Семнадцать лет назад,
А темой мне всегда служил
Трудящийся бедный брат.

09.08.1922

Разговор в вагоне

Едем в город Ярославль –
Я и Луначарский;
Он – народный комиссар,
Но отнюдь не барский.

Я отдал ему стихи,
Он пожал мне руку,
И спросил он про семью,
Про мою науку.

Я ответил, что учусь
В пролетарской школе,
Рассказал я про нужду,
О несчастной доле,

Как я, бедный, прожил век
И желал учиться;
При царизме я не мог
Этого добиться.

Школы высшие для нас
Были позакрыты,
Богачи учились там,
Бедняки забыты.

А теперь для бедняков
Пооткрылись двери,
Богачи устранены –
Нашей жизни звери.

Наш (М.И. Калинин)

Был на съезде ты селькоров
Нашей «Бедноты»,
И всем нам немало пользы
Сделал этим ты.

Дал нам братскую указку,
Что писать и как.
Ты не хуже всех нас знаешь,
Как живёт бедняк.

Осветил ты путь-дорогу
Нового труда:
Ведь с наукой в наших сёлах
Сгинет и нужда.

Ведь тебе пришлось немало
В жизни испытать.
Лишь упорный труд высоко
Мог тебя поднять.

Сам, мужик, ты хочешь счастья
Брату-мужику,
Чтобы он не знал вовеки
Горе и тоску.

Никогда нас не забудешь,
Всех тепло любя...
Оттого и мы так любим,
Наш родной, тебя.

*(«Калиныч в песнях крестьянских поэтов»,
сборник. Всероссийский союз крестьянских
писателей, 1925 г.)*

Отъезд селькоров

Проводили съезд селькоры –
Опыт многих нов –
И обратно едут в сёла,
Под родной свой кров.

Где поля для них родные,
Воля и простор.
Где проводит трудовые
Дни свои селькор.

Где он потом поливает
Пашни и луга.
И хороший он бывает
Родине слуга.

Он бичует в хвост и в гриву
Алчных кулаков
В письмах точных и правдивых,
Не щадит попов.

Не щадит нечестной власти
В сёлах, в городах.
Впрочем, пишет и о счастье,
Что живёт в сердцах.

В жизни новой и свободной
Есть в делах задор.
И об этом нам сегодня
Написал селькор.

Памяти М. В. Фрунзе

Несчастный год. Потери. Многих
Вождей великих смерть взяла,
Своей безжалостной рукою
В могилу рано увела.

Борцы за правду и свободу
Народных угнетённых масс,
Душою скорбною сегодня
Мы, как отцов, жалеем вас.

Сердца людские потрясает
Потеря лучших из людей,
Слеза невольно прошибает
Не только взрослых – и детей.

Слеза безудержно катится
Вновь у рабочих и крестьян.
И с Фрунзе я пришёл проститься:
Он дорог нам: он враг дворян,

Он наш защитник, страж народа.
Его запоем навсегда.
За наше счастье и свободу
Он лучшие отдал года.

Памяти С. А. Есенина

Во цвете лет погиб поэт,
Живут стихи, тебя уж нет.
И я пришёл твой прах почитать,
Но песнь твоя в ушах звучит.
И как набат песнь в уши бьёт,
И пусть она века живёт
По всей Руси, земле родной,
И там, вдали, в стране чужой,
Охватит мир своей красой.
Ты наш поэт передовой.
Твои стихи ценил народ,
Твоей тропой пойдём вперёд.
Но жизни цель у нас не та –
Зачем губить? Она чиста!
Мы все несём тяжёлый труд,
Сомкнём в борьбе мы свой редут,
И мы сильны всё зло изжить,
Но жаль, тебя не воскресить.
Ты крепко спишь, не слышен вздох,
Ты был творец и песням бог.
Творец стихов века живёт,
И дух его народ ведёт
На светлый путь своих детей,
Бессмертен он среди людей.

31.12.1925

*Памяти
В. И. Ленина*

У кремлёвской стены
Славный Ленин лежит,
Дух бессмертен его,
Только телом он спит.

Но ученье его
Не умрёт никогда,
Мы – наследники все
Ильичёва труда.

Дружно все мы идём
По стопам Ильича,
Не забудет весь мир
Мудреца-силача.

Ум великий его
Сохранится вовек,
Жизнь другую создал
Великан человек.

Он создал из рабов
Равноправных людей.
Нет дворян родовых
И купцов богачей.

«Нет в России рабов
И не будет вовек», –
Вместе с ним говорил
И бедняк человек.

Ильича же за то,
Что позвал нас вперёд,
Будет помнить всегда
Весь рабочий народ.

Будет помнить его
Красный пахарь, мужик,
По селам, деревням
Свет свободы проник.

Н. К. Крупской

Ко дню 60-летия

Ты труд несла
В стране родной
И путь прошла
Тяжёлый свой.

И вот теперь,
На склоне лет,
Ты видишь дверь,
Где блещет свет.

Другой закон,
Нет царства тьмы,
И красный звон
Забыли мы.

А красный флаг,
Как мак, цветёт,
И этот стяг
Народ несёт.

Победный клич,
Как гром, звучит,
Что дал Ильич,
Страна хранит.

Его завет
В сердцах растёт,
Тебе привет
Рабочий шлёт.

И пахарь шлёт
С родных полей,
Привет придёт
И от детей.

Живи, трудись
Для блага их,
О них пекись.
Я кончил стих.

Красный пахарь

Я запряг лошадку,
Выехал пахать;
Посмотрел на поле –
Эка благодать!

Ширь полей с лугами –
Всё в руках моих,
Я вспашу, засею
Много барских нив.

Прежде надо было
Ренду уплатить,
И не смей скотину
Погулять пустить.

Исполу работал
И платил штрафы,
Строго поступали
Царские графы...

Но судьбы течение
Разом изменилось,
Новое правление
На Руси родилось.

Власть всего народа
И его Совета.
И спюю я, пахарь,
Многи, многи лета.

*(Печатано в «Бедноте»,
13.05.1919 г.)*

Общей сводкой

Мы артелью и коммуной
Скоро выедем пахать.
Что пахали одиночкой –
Это надо забывать.

Тяжелы и безотрадны
Были прежние труды.
Потому и разрастались
Горькой бедности ряды.

То лошадка заболела,
Бороны иль плуга нет,
Вот и ждёт бедняк крестьянин,
Чтобы дал ему сосед.

Разбудует плуг, лошадку
И посеет семена.
Если хлеб плохой родился,
Не его была вина.

Прочь же разность обработки!
Ряд смыкайся бедняков!
Подымайтесь общей сводкой
Для уборки всех хлебов!

02.04.1919

Прежде и теперь

Поздно за работой,
За полночь, сижу
И за ходом жизни
Мировой гляжу.

Рабство прежде было –
В древности, давно,
Но мехи прорвало
Новое вино.

Рабство заменило
Крепостное время,
И росло в подполье
И свободы семя.

Порвались цепи
Ига крепостного,
Дождались свободы –
Детища родного.

Дочь на свет родилась,
Надо нам беречь
От купцов богатых,
От господ стеречь.

Чтобы не украли
Нашу дочь живую
И не схоронили
Её молодую.

*(Печатано в Кашире,
1920 г.)*

Сенокос

Застучали молотки,
Зашумели косы.
Мужики пошли в ряды
Убирать покосы.

Под косой трава валится,
Трудная работа.
Ночь мала, и мало спится,
О траве забота:

Чтоб убрать на место сено
Свежее, сухое.
Ты не шли воды нам, небо,
Время дождевое.

Подожди, дай нам убраться
С клевером, лугами.
А потом бы нам заняться
Новыми делами.

Рожь белеет, колос гнётся,
Ждёт жнецов на поле.
Пахарь радостно смеётся
При счастливой доле.

Урожай травы и хлеба
В СССР хороший,
И с прошедшими годами
Нонешний не схожий.

Посев клевера

Стали нонче косить
Клевер в нашем селе,
Будет больше посев
Этой травки везде.

Без неё плохо жить
Мужичкам в деревнях.
Без посева травы
Плох и хлеб на полях.

И скотина худа
От соломы зимой...
И пошёл мужичок
По дороге другой.

И соху бросил, плуг...
Трактор новый завёл,
И крестьянство своё
По-другому повёл.

На полях урожай
Изменился в стране,
Хлебороб веселей
При свободном труде.

Не боится мужик
Наш теперь никого,
И поля, и леса –
Всё в руках у него.

Речка, луг заливной,
Сад господский, пруды,
Он – хозяин во всём,
Будет жить без нужды.

Что я люблю

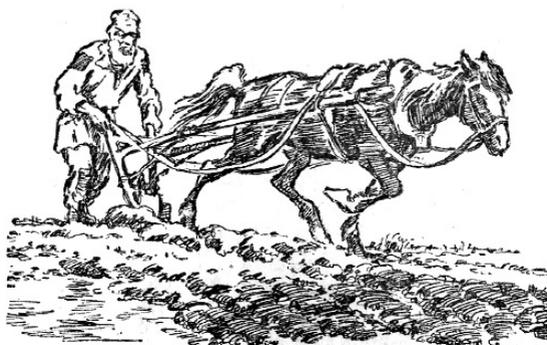
Люблю сады зелёные
И ширь полей, простор
И птичек песни вольные,
Луга, дремучий бор.

Люблю поля засеяны
И спелый колос их.
Люблю крестьян трудящихся
На пашеньках родных.

Сады же те, зелёные,
Покрытые листвою,
Посажены, политые
Крестьянина рукой.

И вольные поля засеяны
Всё тем же простаком,
Разделаны, распаханы
Собратом мужичком.

17.05.1919

*Собрались
на сходке*

Собрались на сходке
Мужики в селе.
Долго говорили
Они о земле.

Молодой крестьянин
Им давал совет:
Мелкие полоски? –
Уничтожить след.

Общей обработкой
Мы поля засеем –
Хлеб хорош родится,
И разбогатеем.

Для себя оставим,
В город отвезём.
С фабрик и заводов
Всё и привезём.

Бороны и плуги,
Ситец и сукно –
Всё соединится
В целое одно.

Фабрики рабочих,
Плуг ли с бороной –
Это всё едино:
Труд семьи родной.

*(Печатано в «Бедноте»,
09.04.1919)*

*Молодой
батрак*

Бедному Ване
Жизнь не красна.
Мало даётся
Отдыха, сна.

Строгий хозяин
Рано встаёт –
Бедному Ване
Спать не даёт.

Рано работать
Надо весной.
Ваня, умывшись,
Едет с сохой.

Тяжки укоры,
Брань кулака.
В людях, известно,
Жизнь нелегка.

Летом работать
Без отдыха, знать.
В зиму придётся
Место искать.

Долой охи

Не помогут вздохи, охи,
Если будем сами плохи –
На печи лежать,
Поле не пахать...

Не пахать земли, не сеять –
Дом, конечно, опустеет,
Будет пуст и двор
И в хлевах простор.

Будет пусто и в желудке,
Лень – порок и зло, не шутки,
Век без хлеба быть –
По миру ходить.

По селам ходить, скитаться
Или, проще, побираться.
Бросим это враз –
Будет всё у нас.

Будет стройка и скотина,
Обувь, ситцы и холстина,
Хлеб и молоко.
Всем ведь нелегко.

Где бы ни было – трудиться,
Труд нести, всему учиться
До пота лица
С детства до конца.

Старый годами

Старый я годами,
Молодой душой,
Труд я посвящаю
Стороне родной.

Говорю я правду
Про былые годы,
Мучили тираны
До святой свободы.

И не смел рабочий
Правду рассказать,
Книжку без цензуры
Он не мог читать.

Строгий глаз начальства
Зорко мог смотреть,
И чтецу грозила
И тюрьма, и плеть.

Ссылку, заточенье
В дальнюю Сибирь –
Всё сносил с терпением
Духом богатырь.

И друзья народа
В недрах умирали,
Честный путь свершая,
Душу отдавали.

*(Печатано в Кашире,
1919 г.)*

Просвещение

Красавица Волга
Предо мной течёт,
Тихо и спокойно
Ярославль живёт.

Едут ломовые,
И идёт народ,
Белых победил он,
Власть ведёт вперёд.

Школы просвещенья
Всё растут, растут,
И они России
Пользу принесут.

Скрытые таланты
Есть среди крестьян,
Да не проявились
По вине дворян.

А среди рабочих,
Наших городских
Разве мало умных
И мастеровых?

Школы просвещенья –
Для народа свет.
Храм наук открыл всем
Наш родной Совет.

Рост литературы и техники

Мои мечты творят идею
Свободной песней трудовой.
И я всегда так разумею,
Что человек везде герой.
Он чудо в жизни совершает
Своим умом, своим трудом,
И с каждым годом облегчает
Труды в масштабе мировом.
Наука, техника и знание
В народе всё быстрее растут.
Машины сеют, трактор пашет,
Овес и рожь машины жнут.
И электричество деревни
И сёла стало освещать,
И человек на аэроплане
Стал вольной птицею летать.
И телефоны, граммофоны
Повсюду люди завели.
И за последнее столетье
Вперёд народы все пошли.
Мы – граждане свободные,
Такой, как здесь, свободы нет:
По новой творческой дороге
Простой народ ведёт Совет.
Порядки новые в Союзе,
Великой Родине моей,
И я скажу открыто, смело,
Родит она богатырей.
Великих техников и слова,
Простых рабочих и крестьян.
И будут песни их и сказки
Не хуже классиков дворян!
Родятся Пушкины, Толстые
Ещё другие среди нас.
Я верю в это без сомненья,
Богат талантом бедный класс.

Юбиляру Ф. С. Шкулёву

Привет товарищу Шкулёву,
Поэту музыки боевой!
Ведь мы давно с тобой желали
Убрать с дороги старый строй.
С глубоким чувством одобряем
Твои прекрасные труды,
Твои мы песни повторяем,
Твои поём мы «Кузнецы»;
Да, кроме них, ты спел немало
Прекрасных песен боевых,
Любил ты эти песни с детства
И до волос своих седых.
Нам дорога с тобой свобода,
И дорог нам простой народ,
Мы, старики, при этой власти
Смелее двинемся вперёд.
И, что мечтою было ранее,
То стало былью наших дней.
Привет тебе, поэт-крестьянин,
В 35-ти летний юбилей!

Н. Н. Захарову-Мэнскому

Меня на светлый путь привёл
Поэт-преподаватель,
Чтобы я поэзию узнал
И был бы слов ваятель,

Служитель слова и стихов,
Писал бы гармонично.
Литературный слог узнал,
И рифмовал отлично.

Художник слова и пера
Грызёт, твердит науку.
За партой бодр и весел я,
Не знаю грусть и скуку.

В преклонных я годах своих
Как будто молодёю
И жар большой в своей груди
К науке я имею.

Остынет он, когда сойду
В песчаную могилу.
До той поры не брошу я
Науку, с ней и лиру.

И ты в груди моей живёшь,
Поэт Захаров-Мэнский,
Как жил у Пушкина давно
Онегин, да и Ленский.

Тебе, товарищ мой, несу
Любовь и благодарность.
Я знаю, друг мой, хорошо
Науки силу, важность.

Бабка Матрёна

Бабка Матрена
Долго живёт,
Старый порядок
В доме ведёт.

В Клуб не пускает
Внучку свою.
В том порицанье
Я ей даю.

– Брось ты, старуха,
Спесь-старину.
Новь освещает
Нашу страну.

Света и хочет
Внучка твоя:
«Вы не учите –
Воля моя»,

Иль ты не знаешь,
Старому – нет,
Все те порядки
Рушит Совет.

Новый порядок
Он создаёт,
Тьму разгоняет,
Свет нам даёт.

Хочет он жизни
Людям другой.
Старую волю
Вашу долой!

Не брани, родная мать

Не брани, родная мать,
Что я комсомолка,
У меня перо в руках,
Прялка и иголка.

От корыта не бегу,
Хорошо стираю,
Шью, пряду и пряжу тку,
Грамоту я знаю.

Рвусь к науке каждый день
И хочу трудиться,
Ты должна, родная мать,
Дочкою гордиться.

Что она везде спешит
На свою работу,
И со старых плеч твоих
Сбросить всю заботу.

Комсомолка, комсомол
Труд, науку знают,
А в науке и труде
Время не теряют.

Жизнь без вина

Я не пью и не пил
Хмельного вина,
Путь мой не испортит
Хмельная волна,

Не снесёт с дороги
Трезвой, трудовой,
И в труде всегда я
Бодрый и живой.

За трудом, в компании
Песни я пою,
И на жизнь приятно
Посмотреть мою.

В комнате бывает
Мир и тишина,
Сам одет прилично,
Дети и жена.

В пище есть достаток,
Пища хороша.
И в семье спокойна
Каждая душа.

Во всю ширь

На нехватки, недостатки
Ополчился весь народ.
Всё построим в пятилетку,
Всё дадим на третий год.

Будет обувь, ситца много,
Ткань и разное сукно,
Наша – светлая дорога,
Верим в это глубоко.

Много горя пережили,
Остаются пустыки.
Мы банкиров не просили,
Чтоб они нам помогли.

Кулакам лишь плохо стало
Жить «в своей родной стране»,
Их теперь осталось мало
И в деревне, и в селе.

Без вредителей построим
Мы скорее новый мир,
Силы наши мы утроим,
Размахнёмся во всю ширь!

Первая забота

Не мешайте вы мне
В жизни наслаждаться.
Я врагов народа
Не хочу бояться.

На войне и в тылу
Бодрый дух имею,
И сказать, что не так,
Завсегда я смею.

Наверху и внизу
Смелость не теряю:
Я верхи и низы
За одно считаю.

Богачи, кулаки
Пусть не ждут почёта,
А о людях простых
Вся моя забота.

Дума о деревне

Жизнь моя в столице
В основном течёт,
Но в душе деревня
Милая живёт.

Я её, родную,
Не могу забыть,
Древнюю столицу
Не хочу любить.

Здесь заводов грохот,
Стук по мостовой,
Здесь шумят трамваи,
Едет ломовой.

Легковой извозчик –
День и ночь езда.
Гибнет здесь народа
Столько от труда!

Воздух тяжкий, едкий,
Нелегко дышать.
Как же мне деревню
С городом сравнять?

Там простор и пыли
Вредной, едкой нет.
Там другое солнце,
Ярче его свет.

Там ночной порою
Мир и тишина,
И работа в поле
Жизни не вредна.

Здесь берёт могила
Более людей,
Там здоровых больше
Взрослых и детей.

* * *

С каждым днём всё больше
Солнечных лучей,
Солнышко сгоняет
Белый снег с полей.

Снег рождает воду,
Оросит поля.
Вновь проснётся к жизни
Спящая земля.

Весна

Растопило броню вод
Солнце золотое,
Чист и ясен небосвод,
Всё вокруг – живое.

То, что умерло зимой,
Оживёт весной,
И покроется земля
Мягкою травой.

Запестреют на лугах
Разные цветочки,
И в лесу зашелестят
Мелкие листочки.

И засеются поля
Разными хлебами,
И нагреет поле, луг
Солнышко лучами.

Легче дышится весной
И в лесу, и в поле:
Хлеборобу хорошо
Труд вести на воле.

Душно в каменных стенах
Городским бывает.
Чахнет житель городской,
Раньше умирает.

Доля мужика

Я – мужик и знаю
Долю мужика.
Жизнь его в деревне
С детства нелегка.

Трудную работу
Тянет с детских лет.
Пищу ест плохую,
Плохо и одет.

Тёмен, некультурен
Пахарь-трудолик.
Урожай у многих
В поле невелик.

Старое трёхполье
К бедности вело.
То, что было прежде,
То теперь прошло.

Дружно к многополью
Родина идёт.
И она богатый
Клад в земле найдёт.

Этот клад на нужды
Весь употребит.
Будет лучше кушать,
Опрятнее ходить.

Заведёт машины
Сельские она,
Зацветёт, я верю,
Русская страна.

Будет всюду трактор
По полю ходить,
Будут хлеб машиной
Сеять и косить.

В ригах не услышим
Прежний стук цепов,
Будет хлеборобу
Менее трудов.

С рук его мозоли,
Верю, пропадут,
Там, где есть культура,
Хорошо живут.

Дождевые миллионы

Небо сыплет миллионы
В каплях дождевых.
Дождь идёт – и всё воскресло
На полях родных.

Пахарь рад и, торжествуя,
На поля глядит.
Он в надежде: его поле
Хлеб хорош родит.

Дорог дождичек бывает
В мае копь идёт,
Он растенье воскрешает,
Рост ему даёт,

Рост хлебов, травы с цветами
И грибов в лесу.
Благодарную природе
Пахарь льёт слезу.

Как не лить: его отрада –
Только урожай.
Им живёт и богатеет
Наш родимый край.

Наше главное занятие –
Сеять и пахать.
И должны мы это дело
Лучше развивать.

Удобрять свою землю,
Многополье вести.
С урожаем легче будет
Фабрики завести.

Все товары фабрик купит
Пахарь-трудолик,
Если будет хлеб хороший,
Урожай – велик.

На фронт

Разлетелися птенцы,
Нашей школы молодцы
По уездным городам,
По селам и деревням
Звать сознательный народ
В бой с врагом идти, на фронт –
Силу дерзкую сломить,
Власть народа укрепить.
Чтобы легче было жить,
Надо Родину любить,
Всё для Родины отдать,
Пядь земли врагу не сдать.
Нашу Волгу – речек мать
Грудью надо отстоять
От громилы Колчака
И царёвых прежних слуг.
Будьте бодры – и в поход,
Не теряйте храбрый дух!
Только храбрый победит,
Сотни лет он не умрёт,
Он в истории живёт,
И народ за храбрость чтит.
Будьте храбры и славны,
Нашей Родины сыны!

*(Печатано в газете
«Беднота», 10.05.1919)*

В бой

То не ветер в поле
Шибко зашумел –
Наш отряд советский
Вихрем пролетел.

На врагов народа,
На Сибирь и Раду,
Чтобы дать свободу
Беднякам в награду.

Мир, и хлеб, и землю,
Сахар и металлы,
Уголь, нефть и хлопок
И все минералы.

Чем владели прежде
Богачи-купцы,
И для них трудились
Бедняки-отцы.

*(Печатано в Кашире,
1919 г.)*

Мобилизация лошадей

Не скорбите вы о том,
Что лошадок взяли,
На проклятую войну
Мобилизовали.

Скоро кончится война,
Лошади вернутся,
Молодые подрастут,
Вновь и разведутся.

В бой кровавый мы идём
Из-за вас, крестьяне,
Чтобы землю всюду вам
Отдали дворяне.

А богатые купцы –
Фабрики, заводы.
Бой ведём мы не одни,
Бьются все народы.

Против власти богачей,
Силы капитала,
Чтоб рабочая среда
Бедности не знала.

Песнь красного командира

В бой кровавый я иду
И товарищей веду
На народных на врагов,
На дворян и на купцов,

И тиранов-кулаков,
Всех, кто притеснял отцов-
Тружеников на полях
И в фабричных корпусах.

По семнадцати часов
День рабочий у отцов
Продолжался в городах
И в высоких теремах.

Всюду труд обиду нёс –
Лучше жил ведь барский пёс,
Чем рабочий человек,
Но настал и новый век.

В наше время без труда
Жить не будут господа.
Нет рабов и нет господ –
Равен в мире весь народ.

*(Печатано в «Бедноте»,
23.02.1919 г.)*

Красная Армия

Хорошо на свете жить –
Есть свобода,
Власть рабочих и крестьян
У народа.

Существует много лет
Власть Совета,
Не боимся мы врагов
Всего света.

Наша Армия крепка
Боевая.
С ней спокойна и страна –
Мать родная.

Наша Армия врагов
Разбивала,
И в науке боевой
Крепче стала.

И мы с праздником её
Поздравляем!
Громкой славы боевой
Пожелаем!

За свободу

Слышу: зов на службу
Всюду раздаётся,
Мнится, рать народа
Вихрем пронесётся.

Будет всё народным,
Все дворцы, палаты,
Целы, невредимы
Будут наши хаты.

Заревом сияет
Русская свобода.
Все богатства мира
Будут у народа.

Тот, кто жил, трудился,
Не умел лениться,
Кто куском последним
С братом мог делиться, –

Вот тому награда –
Слава от народа.
Это и зовётся –
Русская свобода.

*(Печатано в газете «Беднота»,
29.03.1919)*

Комсомолка

Будь подругой дней моих,
Розовый цветочек,
Я дарю тебе кольцо,
Красненький платочек.

Ты умна и весела
С детства, комсомолка,
И в деревне от тебя
Очень много толка.

Речь прекрасную твою
Пахарь уважает,
И на митинге тебя
Радостно встречает.

Ты ведь, девушка, у нас
Говоришь прекрасно:
Всё укажешь мужичкам –
Где чего неясно.

Ну а верить не велишь,
Ни богам, ни бесу,
Чтобы верить в светлый путь,
Что ведёт к прогрессу.

Будь же, радость дней моих,
Розовый цветочек,
Я дарю тебе кольцо,
Красненький платочек.

8 Марта

Прошла пора бесправных дней.
И новь на Родине моей
Во всей красе своей цветёт
И право женщине даёт

Творить ей новые дела,
Уйти от печки, помела,
Печенья хлебов, пирогов,
Не стало ей теперь оков.

Весь век за прялкою сидеть
И за детьми всегда глядеть,
Стирать, кроить и шить бельё –
Бывало, дело всё твоё.

От юных дней до взрослых лет
Теперь того бесправья нет:
С мужчиной вместе, наравне,
Хозяйка ты во всей стране.

Дела народные ведёшь
И вверх по лестнице идёшь.
От сельсовета в горсовет –
Тебе простор, тебе привет.

В больших и малых городах
Равна с мужчинами в трудах.
И мы встречаем праздник твой
В стране великой, трудовой.

Равноправие

У меня душа пьяна
И бодрее тело,
Оттого, что мысль вольна,
Всё пишу я смело.

Про рабочих и крестьян:
Как кому живётся
И какая песнь у них
При труде поётся.

В песнях кончились теперь
Грустные мотивы,
И в словах народ смелей –
Все красноречивы.

Развязали языки
Воля и свобода,
И земля даёт у нас
Более дохода.

Многополье завели,
Сеем хлеб и траву
И живём в стране родной
По другому праву.

Равноправие в стране
Для всего народа,
С той поры и умерла
«Знатная порода»,

Чем кичилося века
Старое дворянство,
Много горя от него
Вынесло крестьянство.

*Новогоднее
пожелание*

С Новым Годом поздравляю
Я крестьян родных!
Урожаев им желаю,
Сеять больше нив.

Поднимать культуру выше
В поле и в лугах
И вести своё хозяйство,
Как в других краях.

Чтоб на ниве хлеб родился
Больше ста пудов
И не тратил даром время
Пахарь для трудов,

Заводил и многополье
Он по всей стране,
Чтобы не жил, как бывало,
Хлебороб в нужде.

Много птицы и скотины
На дворе водил,
Чтобы чётко, без задержки
Продналог платил,

Помогал казне окрепнуть
Он своим трудом,
Электрической свечою
Освещал свой дом.

Хорошо бы пахарь кушал,
Был одет, обут,
И не шёл бы к мироеду
В кабалу, в хомут.

Вот моё всё пожеланье
Бедным мужичкам,
Чтоб не шли они работать
К алчным кулакам.

Трёхлетие газеты

Трёхгодичный праздник
Мы газеты справим.
Качество газеты
Высоко поставим.

Жизнь мы трудовую
Лучше осветим,
Яркие картины
Новые дадим

На столбцах газеты
Нашей трудовой.
Знайте, что печатник –
Вождь передовой.

У рабочих наших
Шире кругозор,
Мы дадим в газете
Трудовой обзор.

Как работа наша
В фабрике идёт,
Как рабочий пахарь
На Руси живёт,

Как живут народы
И в других краях,
Держат ли буржуи
Их в своих руках,

И борьба какая
Против них идёт,
Кто прочтёт газету,
Это всё найдёт.

*Выпуск учеников
школы ФЗУ*

Вижу рать я молодую,
Верную труду.
Поздравляю с окончанием
Школы ФЗУ.

Пожелаю труд свободный
Честно исполнять,
Дорогое в жизни время
Даром не терять.

Труд вести всегда на славу
И разумно жить,
Чтобы власть родную нашу
Больше укрепить.

Бросить в жизни разгильдяйство,
Не к лицу и лень,
Повышайте производство:
Человек – не пень.

Не стоит он неподвижно –
Но идёт вперёд.
Пусть не будет хулиганом
Молодой народ,

Чтоб не стал, как матершинник,
Пьяница лихой,
И не ходит он дорогой
Скверной и плохой.

Вы свободны в красной жизни
Новый путь создать,
И работу, и науку
Лучше старых знать.

Чтобы гром победы нашей
Далеко гремел,
Чтоб никто нас дикарями
И назвать не смел.

И росла у нас культура,
Как и у других,
И к прекрасному стремились
До волос седых.

Иначе смотрят

Когда я в Партию вступил,
Крестьяне долго злились,
И от меня, как от чумы,
Повсюду сторонились.

Со мной боялись речь вести,
Жену в том упрекали,
Что я в союзе состою
В Москве с большевиками.

Что я икон не признаю,
Святых людей и Бога,
Что я чертям одним служу
И в ад моя дорога.

Не веря в Бога, в ад и рай,
Я шёл прямой дорогой,
Во всех поступках и делах
Держался жизни строгой.

Людей я бедных защищал,
Стоял за них горою,
Для богачей и кулаков
Я был всегда грозюю.

Был председателем бедноты
И сельским комиссаром,
Я бедным хлебушка давал
За полцены и даром.

От них любовь я заслужил
И ласку, уваженье.
И даже у середняков
Я заслужил почтенье.

Но кулаки и до сих пор
Меня не уважают,
За то, что шёл наперекор,
И злятся, и ругают.

Изба-читальня

Было скучно в зимний вечер
Дома мне сидеть,
Шёл на улицу в мороз я
Песнь о доле петь.

А теперь иду в читальню,
Долго там сижу,
И за книгою приятно
Время провожу.

Каждый вечер я немало
Разных книг прочёл.
Ну, а главное, что знаний
В жизни приобрёл.

Я усвоил там науку,
Как стихи писать:
Гладко, образно, красиво,
Быстро рифмовать.

И теперь хвалю читальню
В песнях и стихах.
Если б не было читальни,
Я б ходил в лаптях.

*Учиться никогда
не поздно*

Слабнут руки, слабнут ноги,
Но не слабнет ум,
Больше бодрых и весёлых
Я имею дум.

По годам считаюсь старым –
Дух мой молодой.
Я до смерти не расстанусь
С школьною скамьёй.

Вот пришёл я в храм науки
Светлый путь искать,
Научиться без ошибки
Правильно писать.

К месту ставить двоеточье,
Точку с запятой.
Я – неграмотный крестьянин,
Я – мужик простой.

Вопросительного знака
Я совсем не знал,
Восклицательный в стихах я
Тоже не писал.

И в словах я ударенья
Не могу понять,
Эту мудрую науку
Всю хочу я знать.

Труд и школа

Проходят дни, проходят ночи,
И жизни нить моя короче.
Прошли цветущие года,
Но я ищу всегда труда.

Ищу поэзии волшебной,
Моей работы повседневной
Я не хочу, старик, прервать –
Рука зудит: пора писать –

Стихи былой и новой жизни,
Хочу работать для Отчизны,
Рукой мозолистой своей:
Как Фрол живёт и Еремей

При новой жизни и Совете
И как живут в деревне дети,
Какие школы есть у нас,
Что свет науки не погас,

Ребята ходят в нашу школу,
Другому внемлют там глаголу:
Ведь не играют прежней роли
Попы в советской нашей школе.

Теперь наука есть другая,
И наша школа молодая
Несёт народу яркий свет.
Науки мёртвой, старой нет.

Тов. С. С. Смирнову

Я слаб в поэзии родной,
Меня ты вдохновляешь,
И часто прозою писать
Поэта заставляешь.

Писать я прозой не привык,
Мне кажется – труднее.
Пишу свободнее я стих,
Пишу его скорее.

А вот за ласку, доброту
Тебя благодарю,
И малограмотность свою
Открыто признаю.

Четверть века

*Посвящается
Ф. С. Аниканову*

Четверть века – протекло
Без заботы время.
А теперь жена, семья,
Сей на поле семя.

Время жатвы и труда
Твоего настало,
Чтобы лето у тебя
Даром не пропало.

Поле летом: жать, косить,
К осени готовить.
И пускай нужда твой дом
Стороной обходит.

При старании твоём
Не бывать ей в хате.
При достатке не забудь
О сестре и брате.

Ведь у вас едина кровь,
Мать одна родила –
Чтобы ласка и любовь
Между вас царила.

1920-е гг.

Приезд в деревню

Здравствуй, милая старуха!
Пополнел я, толще брюхо –
Раскормил Кавказ.
Кушал много раз.

Каждый день я аппетитно
Десять блюд съедал.
Хорошо кормили, сытно,
Крепко, много спал.

Много пили, много ели,
На свободе песни пели,
И была игра:
В городки, козла.

А затем купались в море,
И ныряли на просторе
Мы в седых волнах,
Был пловцам размах.

А другие отдыхали,
Лёжа на песке –
Просто налегке,
Без штанов и без рубашек,
В трусиках одних.

Было много Ванек, Машек,
Солнце пекло их,
Тело бронзой покрывало
Старых, молодых.
Хорошо смотреть на море
Было с гор крутых.

С нами солнышко купалось
Здесь в морской воде,
Мне казалось, волны моря
Были в серебре.

Небеса глядели в море
Синевой своей,
Мнилось мне, что на Кавказе
И вода синей.

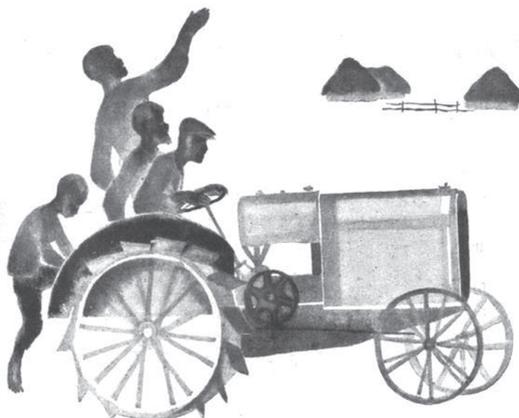
Серебро и синь сливались
В целое одно,
И как будто опускались
На морское дно.

Наши достижения

Много было нужд и горя,
Непосильного труда,
И терзала злая доля
Наши сёла, города,
Приходил нежданно голод,
Изнауряла нас война –
Пили вместе серп и молот
Чашу горькую до дна...
Торжествуй, страна родная,
Что свободна десять лет,
Ты окрепла, молодая,
Много одержав побед.
Наши сёла осветились
Электрическим огнём.
С бывшей копотью простились
И светло нам, точно днём.
Электричество в Кашире
Светит вдаль на сотни вёрст,
Раздвигает рамки шире
И даёт прекрасный рост,
Свет из Волхова струится,
Загорится на Днестре,
И железный путь проложен
В нашей дальней стороне,
Семиречием проходит
Черномазый паровик,
Его свисту эхо вторит,
Скорый бег его велик.
Стук колёс, машин советских
Горы, доли облетит —
Стук рабочий, молодецкий
Миру новое твердит:
«Вы без помощи банкиров,

Буржуазных богачей,
За великую работу
Принимайтесь горячей!.. »
Производим мы машины,
Строим фабрики, жильё.
Поднимается к вершинам,
Ввысь Отечество моё.
Слава новому строению
Нашей власти и трудам,
Слава школам, просвещенью
По селам и городам.
Слава, серп тебе и молот,
Что создал за десять лет!
И рабочим и крестьянам
Шлю горячий я привет.
Слава армии народной,
Боевым её вождям.
Процветай, мой край свободный
И грозюю будь врагам!..

12.11.1927

Михаил Дмитриевич Аниканов

Михаил Дмитриевич Аниканов (05.12.1922 – 1979) родился в селе Богатищево-Подлесное Растовецкого сельсовета Каширского района Московской области. Сын крестьянина, погибшего в годы Великой Отечественной войны, и внук известного в своё время крестьянского стихотворца С. Ф. Аниканова.

В 1937 году Миша Аниканов поступил в школу стройуча Метростроя. Первые годы учёбы и работы полны впечатлений: молодой человек принимал участие в украшении и отделке подземных метродворцов второй очереди.

В 1941 году Михаил Аниканов добровольцем уходит на фронт. Боевое крещение получает на Волховском, а войну заканчивает командиром ПТР в войсках Второго Белорусского фронта. По первым стихам рядового Аниканова, которые появились в армейской газете, можно сделать вывод, что воевал он и на южном фланге, освобождал от захватчиков Причерноморье и Крым.

В дни войны стихи Михаила печатались также в газете «Ударник Метростроя».

Демобилизовавшись, молодой человек возвратился к своему увлечённому труду. Из года в год росло его мастерство. Аниканов участвует в создании панно для одного из вестибюлей станции «Площадь революции», посвященного тридцатой годовщине Великого Октября, мозаичной картины в память трехсотлетия воссоединения Украины с Россией – на Киевской-кольцевой, художественных решёток – на Павелецкой. Работал он и над мозаикой на Новослободской.

Мастер своего дела, М. Аниканов обучал ребят в ремесленном училище № 60.

Тяжелые фронтовые контузии давали себя знать, и опытному мозаичнику требовался всё более длительный отдых. Однако он продолжал упорно трудиться, работая в Краснополянской артели «Игрушка» и весь свой досуг отдавая литературному творчеству.

Аниканов участвовал в работе литературного кружка при «Метростроевце», а затем, живя и работая в Долгопрудном, – литературного объединения этого города.

Отец трёх дочерей.

Стихи М. Д. Аниканова см. в журнале «Смена» (1959 г., №7), альманахе «День поэзии» (1961 г.). В газетах: «Труд» (30.06.1955), «Строительная газета» (02.03.1962), «Ленинское знамя» (1959 – 1969 гг.), «Метростроевец» (1949 – 1973 гг.), «Вперёд» (23.02.1968), «Знамя коммунизма» (1957-1959 гг.), «Огни коммунизма» (1962, 1968 гг.), «За коммунизм» (1963, 1965, 1968, 1975 гг.).

Михаил Аниканов в годы войны

Михаил Аниканов перед войной закончил ФЗО – метростроевское профессиональное училище.

В восемнадцать лет он женился. В январе 1942 года родилась девочка. А вообще у Михаила было три дочери – Галина, Ольга и Лена – с разницей в возрасте одиннадцать лет.

В августе 1941 года пропал без вести отец Михаила – Дмитрий Аниканов, а уже в сентябре сын ушёл на фронт.

Его военная судьба сложилась так, что дважды приходилось выходить из окружения.

В первый раз – под Смоленском, где Михаил был сильно контужен, потому плохо слышал и плохо говорил.

Вдвоём с приятелем, оборванные и голодные, они долго блуждали по лесу. Наконец, вышли на опушку и увидели женщину. Подошли, заговорили. Женщина была местная, она взяла Михаила к себе и выхаживала, выдавая его за своего племянника.

Деревня была занята немцами. Дед посоветовал: «Притворись немцы!» Так и сделал. А как только набрался сил, стал помогать женщине, приглядывать за детьми, которых у неё было четверо: старшей – 14 лет, а младшему – меньше года.

На постое у той женщины был немецкий медик. Когда немцы решили покинуть деревню, он предупредил хозяйку: «Мы уходим, а ты детей прячь: за нами идут каратели, они никого не оставляют».

Решили Михаила с Машей (старшей дочкой) отправить к леснику. Но девочка, проводив Михаила, сказала: «Я не могу оставить маму», – и возвратилась в деревню.

Через некоторое время юноша вернулся в действующую армию. И вновь – теперь уже на Южном фронте – окружение, контузия. Здоровье было подорвано окончательно.

В 1958 году Михаилу Аниканову довелось побывать в Смоленске. Он участвовал во Всероссийском совещании поэтов, которое проводилось там. Вернувшись оттуда, рассказывал: «Видел могилу, где меня похоронили, а я, как видишь, живой!» А вот женщину, которая его спасла и выходила, или её семью искал безуспешно. Видимо, каратели сделали своё чёрное дело.

С каждым годом здоровье Михаила ухудшалось. Последние шесть лет жизни он не работал, жил с младшей дочкой Леной в деревне.

В моей памяти сохранились детали, связанные с большой семьёй Аникановых. Одна из них та, что все они любили петь. И очень хорошо пели втроем: Михаил – баритон, Владимир, его младший брат – бас, и с ними Андрей (мой отец) – тенор.

Татьяна Андреевна Клабукова (Осина)

Живая вода

С войны я солдатом
Вернулся в колхоз.
Молоденький сад там
Бурьяном зарос.
Чтоб сад плодоносил
Плодами с кулак,
Я с радостью сбросил
Всю тяжесть атак.
Во время работы
У всех на виду
Я капельки пота
Оставил в саду.
И яблони снова
Цветут над страной,
Политые словно
Живою водой.

10.04.1962

*Баллада
о солдате*

Дом сотрясая,
Грянул гром.
И крыша ветхая
Промокла.
Вдруг ветер,
Словно рукавом,
Взмахнул,
И стали плакать стёкла.
Мелькнули красные погоны.
Скрестились
Молнии-штыки.
Идёт,
Их светом озарённый,
Усталый воин
Без руки.
В своё село,
К жене и детям
Пришёл родной,
Не позабыл
Окно,
Что даже мёртвым светит
И поднимает из могил.
И, подправляя
Орден Славы,
Сказал
Испуганной жене:
– Ты плакать
Не имеешь права.
О детях думай,
О весне.

А тучам крикнул:
– Ей не нужен
Такой
Щемящий сердце гром!..
И расплескал
Все слёзы в лужах
Большим
Солдатским сапогом.

10.04.1962 г.

Сила песни

Мы раны бинтовали на привале.
Ночь. Прикрывал нас друг – осенний лес.
Деревья, словно в бронзовых медалях,
А над страной – пожаров страшный плеск.

Земля горит. Мы лишь украдкой курим
(Иначе нас фашисты разбомбят).
И вдруг запел комбат: «Ревела буря»...
И замер лес, как воинский парад.

Пред нами встали древних лет картины,
Как будто в лес влилась Иртыш-река.
Усталые, мы выпрямили спины.
Не окружают нас, точно Ермака.

Мы не заснём, нас не ударят с тыла.
Урок учли! Подъём, друзья, и в бой!
Спасибо песне, что нас научила
И встала в наш победоносный строй.

22.02.1959 г.

Война солдата в бой бросала
(первый вариант)

Война солдата в бой бросала,
К врачам в санчасть и – снова в бой.
Он в долгожданный час привала
Себя ощупывал – живой?
Живой! А табачок найдётся.
Солдат разглаживал усы...
Он воду пил не из колодца,
А у нейтральной полосы.
Пил из воронки и из лужи.
И пулевой имел прострел,
Он был простужен и контужен,
Недоедал... – и не болел...
Погоны снял и первым делом,
Конечно, встретился с женой...
Комбинезон потом надел он
И стал с тех пор самим собой.
Родился сын, за ним девчонки.
Жена в восторге – рядом муж!
Он воду пил не из воронки
И не из тёплых мутных луж.
Он пил из чистого колодца
И с песней въехал в новый дом,
Но не хватило сил бороться
С обыкновенным сквозняком...
Большая жизнь пошла на убыль,
Он потерял над нею власть.
... Пришлось подрубленному дубу
От дуновения упасть.

Война солдата в бой бросала
(второй вариант)

Война солдата в бой бросала...
К врачам в санчасть – и снова в бой.
Он в долгожданный час привала
Себя ощупывал – живой.
Живой! – И курево на месте...
Солдат разглаживал усы,
И наблюдал,
Как жёлтый пестик
Купался в капельках росы.
Агрономические знания
Солдат усвоил до войны,
И знал причину увяданья,
Как и причину седины.
А тут цветы!
В убранстве росном
Цветут и за сердце берут.
Ему б заняться сенокосом
И утолить в ладонях зуд.
Ему б с крестьянской закваской
Пройтись по тёплой борозде,
И отвечать на ласку лаской
Полям отзывчивым везде.
Но он обязан был бороться
За то, что создали отцы,
И воду пить не из колодца,
А у нейтральной полосы.
Пил из воронки,
Пил из лужи,
И пулевой имел прострел,
Он был простужен и контужен,
Недоедал... – и не болел...
Погоны снял
И первым делом,
Конечно, встретился с женой...
Рубашку с вышивкой надел он
И стал с тех пор самим собой.

07.11.1975 г.

На привале

(Солдатские разговоры)

– Побывать теперь бы дома...
– Да, – ответный слышен вздох, –
Заберёшься на солому,
Отдыхай без задних ног.
– По печной работе руки
Что-то стали тосковать.
– После долгих лет разлуки
Лечь бы с жинкой на кровать.
– Молочка б парного, братцы!
– А туман – из молока...
– До блинов бы мне добратся,
Но дорога далека.
– Да, – опять ответил вздохом
Растревоженный солдат, –
Вы мечтаете неплохо,
Только как-то наугад.
И мои не против ноги
Отдохнуть бы от дорог.
Эх, дороги вы, дороги,
Поверните на порог,
Поверните в дом родимый,
В то село, где жил и рос.
На пороге там обнимут –
Поднесут по чарке слёз –
Слёз не горьких, слёз весёлых.
И пойдёт он сам собой
Разговор в окрестных сёлах,
Что солдат пришёл домой.
Что солдат пришёл с победой,
А не просто как-то так...
Рад продолжить бы беседу,
Да вот кончился табак.

30.11.1968 г.

Новобранец

(первый вариант)

У меня нет ордена
И других наград,
Но зато есть Родина.
Мать, отец и брат...
Серебро ограды.
Обелиски в ряд.
Под землёй в наградах
Воины лежат.
Тише, новобранец.
Возложи веноч,
Здесь твой дед был ранен
И навек умолк...
У меня нет ордена
И медалей нет.
Но зато есть Родина —
Родина побед.

Новобранцу

(второй вариант)

У тебя нет ордена
И других наград,
Но зато есть Родина,
Мать, отец и брат...

Видишь, за оградой —
Обелиски в ряд.
Под землёй в наградах
Воины лежат.

Молча, новобранец,
Возложи веноч.
Здесь твой дед был ранен
И навек умолк...

У тебя нет ордена
И медалей нет,
Но зато есть Родина —
Родина побед.

Дружба

(первый вариант)

Узнал я, будучи мальчишкой,
О том, что наши моряки
Зовут товарища «братишкой»,
Прямым уставам вопреки...

Не бескозыркой с якорями,
И не тельняшкой
Русский флот,
И не морскими маяками,
А дружбой –
С детских лет влечёт.

На кораблях погон к погону
Встречают шторм и смертный бой.
А если тонут – вместе тонут,
И адмирал, и рядовой!

Матросская дружба

(второй вариант)

Не романтическая служба,
Не форма их меня влечёт,
А та испытанная дружба,
Что с давних лет пришла во флот.

На кораблях погон к погону
Встречают шторм, смертельный бой,
А если тонут – вместе тонут:
И адмирал, и рядовой.

Ведь есть же сплавы твёрже стали.
В дни поражений и побед
Герои кровью начертали:
Прочней матросской дружбы нет.

Не только в море –
И на суше,
Пусть все народы на земле,
Борясь за мир, добьются дружбы,
Как моряки на корабле.

30.06.1957 г.

Черноморцам

У гвардейского знамени

Ветер колышет огонь кумача –
Вышитый шёлком портрет Ильича
Воздухом Родины дышит.
Жив он! Не верю, что вышит.

30.06.1957 г.

Севастополь

В прославленных курганах
Заснула старина.
Матросом-ветераном
Покоится она.

Синеет гор громада –
Немой свидетель битв.
То песней, то балладой
Нам город говорит.

О том, как Севастополь
Вступал в неравный бой,
Отстаивал окопы
Под бурей бомбовой

И как под небом чистым
У ветерана рос
Пытливый коммунистом
Внук его – матрос.

Курсировал в дозоре
Родной советский флот,
Но враг пришёл
И морем,
И сушей
В этот год.

Дыханье захлестнула
Окопная петля.
И дрогнула от гула,
И ахнула земля
От бомбового свиста.
Потомственный матрос,
Наперекор фашистам,
В прибрежный камень врос.

Из тела город-воин
Осколки вырывал,
Следы сквозных пробоин
Он дымом бинтовал.

30.06.1957 г.

* * *

Сапёр сказал однажды:
«Не всё бывает вдруг,
Тебя взрывали дважды,
Но ты воспрянешь, друг.

Ты встанешь после штурма,
Из госпиталя – я,
Мы праздничную форму
Наденем на себя.

И отнесём дырявый
Бушлат в музей побед –
Хранитель новой славы
И славы прошлых лет».

Строитель арматуру
Вязал, как клочья жил,
Раствором штукатурным
Все раны заживил.

И снова Севастополь,
Врагам наперекор,
Матросом из окопа
Поднялся из-за гор.

Как в лентах бескозырки,
В сплетении дорог.
Не порох, а опилки
Рассыпаны у ног.

А в бухте многозвучной,
Как на груди, всегда
Тельняшкой неразлучной
Колышется вода.

У голубого моря,
Под небом голубым
Стоит он в белой форме
Красавцем молодым.

* * *

Сядем, друг мой, подытожим,
Сколько лет и сколько зим
Шли мы разным бездорожьем,
Но один глотали дым.

Застревал он комом в горле,
Разъедал глаза до слёз.
Вместе с нашим общим горем
Каждый
Собственное нёс.

* * *

Хоронили на фронте солдат,
Хоронили солдат не солдаты.
Слышу ноющий скрежет лопат,
Черенки их в ручонках зажаты.
Сушит слёзы
Колючий мороз,
И глазёнки наполнены страхом.
Ветер песни унёс, ветер горе принёс
К неокрепшим взъерошенным птахам.
Всхлипнул кто-то
И выронил лом:
Не под силу он был
Малолетним.
Хоронили солдат за селом,
Хоронили солдатские дети.
Подыскали поглубже окоп,
Подходящий для братской могилы,
И случайно оставшийся сноп
Постелили,
Чтоб мягче им было,

Им,
Оглохшим навеки теперь,
Безразличным
К делам на планете.
Но узнали всю горечь потерь
Очевидцы –
Солдатские дети.
И земля, словно шаткий настил
Закачалась...
Чтоб не было больно,
Как младенцев, старались нести,
Предводимые сторожем школьным.
Котелок, словно детский волчок,
Покатился с остатками супа.
Что бывает на свете ещё
Тяжелее солдатского трупа?
А солдаты в окопах –
Вразброс;
Кто сидит,
А кто болями скручен.
И завыл неожиданно пёс,
Что он мёртвых таскать не научен.
А когда засыпали окоп
На безлюдной опушке некстати,
Словно гвозди вколачивал в гроб
Уцелевший над взрывами дятел.
И стонал, как живой, бурелом,
И метался испуганный ветер...
Хоронили солдат за селом,
Хоронили солдатские дети.

Электросварщик

Шумит огонь,
Играя с ветром,
Металл бросает
Веер звёзд.
В их ореоле
В час рассвета
Электросварщик
В небо врос.
Под ним гудят
Стальные звенья,
Навечно слитые в каркас.
Опять пошёл на восхождение
Неугомонный верхолаз.
В огне рождённые детали
И закалённые в огне
Его всё выше поднимали,
Как будто напоказ стране.
Ему и радостно и жарко.
У солнца есть теперь родня...
Он
Возвестил электросваркой
Начало трудового дня!

Каменщик и стихи

Есть у всех у нас грехи,
И у каменщика тоже:
Пишет каменщик стихи,
Не писать он их не может.
На строительных лесах
Разве может не воспеть он,
Как спецовку в паруса
Обратил попутный ветер?
Под рукой кирпич лежит,
Сверху небо голубое,
Голубые этажи,
И такое всё – родное.
Даже зорька в небесах
Стала вымпелом бригады.
Описать хотел в стихах
Море утренней прохлады...
Но не тот у парня слог.
Камень вместо продолженья
На раствор цементный лёг,
Словно ритм в стихотворении.
И ложатся каждый день
Ряд за рядом, словно строки.
В пыльной каске набекрень
Ходит каменщик по стройке.
И бросает острый взгляд
От фундамента до крыши.
– Он, – девчата говорят, –
Не работает, а пишет!
Дом, в котором мы живём,
Полон солнечного света,
Потому что строил дом
Человек с душой поэта.

Плотник

Я знаю плотника.
Он в клубе
и гармонист и балагур.
А на работе –
пилит, рубит,
пока не крикнут:
– Перекур!
Передохнул.
Из верной банки
перехватил
воды глоток...
От бега острого рубанка
играет в стружках ветерок.
А циркулярки диск зеркальный
сияет, кружит и поёт,
как в синем небе
в дымке дальней
идуший с грузом
вертолёт.
Намётан глаз, и руки крепки.
Топор идёт
наверняка.
Взмывают, разлетаясь, щепки,
как будто рвутся в облака.
Смакуя запах древесины,
влюбленный в жизнь
и в ремесло,
включил он,
с трелью соловьиной
сравнив,
поющее сверло.
И целый день стучат долота,
чечёткой пляшет молоток...
С лица срывает капли пота
влюблённый в парня ветерок.

26.10.1957

Плиточник

Цементная пыль на густой шевелюре.
Клавиатурой бегут из-под рук
Плитки
Из чёрной и белой глазури,
И музыкой кажется их перестук.
А если, тем паче, в затылок и сбоку
Девчонка бросает свой любящий взгляд,
Глазурь отражает глаза с поволокой,
И руки, как птицы, в работе парят.
Любуются люди:
– Играет парнишка...
А плиточник взмок.
Работать привык он везде на «отлично».
Со стройки идёт в музыкальный кружок.
И, как продолжение, клавиатура
Послушна рукам, слышно дружное «бис»:
Под теми же пальцами
В Доме культуры
Заговорили
Бетховен и Лист...

Станок (первый вариант)

А. Люкину

Служил он людям лет пятнадцать.
Станок хвалили мастера.
А после стали усмехаться:
– Ему на пенсию пора.
Забытый всеми поседел он.
(В нём паутину плёл паук).
Работы ждал.
Ещё хотел он
Прикосновенья тёплых рук.
И я послал,
Включив рубильник,
Как в сердце, кровь-электроток...
В ответ мотором многосильным
Вздыхнул
И... ожил мой станок.
Мы с ним болванку (не впервые)
В шатунный палец превратим...
На то мы и живем, живые,
Чтоб стало мёртвое живым!

Станок (второй вариант)

Любой станок
Имеет норов,
Свои привычки,
Свой каприз.
То перегреет он
Моторы,
То скрежет издает,
То писк.

А мой
Настолько был капризным,
Что мастер наш
Махнул рукой:
– Живет на стройках коммунизма,
А несознательный такой.
Придешь из отпуска – заменим...

А мне другие не нужны.
В станок вложили уйму денег,
А мы выбрасывать должны?!
...Забытый всеми
Поседел он
(В нём паутину плёл паук).
Работы ждал.
Её хотел он!
Но без меня он,
Как без рук.
И я послал,
Включив рубильник,
Как в сердце кровь, электроток...
В ответ
Мотором многосильным
Вздыхнул
И ожил мой станок.
Мы с ним
Болваночки стальные
Ещё в такое превратим!..
На то мы и живём живые,
Чтоб стало мёртвое живым.

Встреча

Скрипел зубами инвалид,
Как будто грыз орех,
Что рядом с ним,
Как лист, дрожит
С похмелья человек
И россыпь трудовых монет
Хватает, как жонглёр,
А если скажешь:
– Денег нет, –
Он упрекнёт в упор:
– Работать надо... так-то вот... –
В глазах мелькает злость.
– Я воевал. Я – помкомвзвод,
Мне раздробили кость...
И говорит, и говорит,
И обостряет боль,
И вдруг непьющий инвалид
Сказал ему:
– Изволь,
Бери, бери, пока звенят,
Вот здесь, в кармане брюк.
Я б подал сам, но у меня
Протезы вместо рук.

Бессмертие

Идёт история живая
По кинозалам в гулцу масс,
И люди там переживают
За давних предков и за нас.
Витают души в кинозалах,
И ты от них неотделим.
Я вижу, дочь тебя узнала,
Когда ты вновь пришёл живым.
Узнала дочь и шепчет внуку,
Каким ты храбрым был в бою...
А в забинтованную руку
Я «козью ножку» подаю.
И на тебя гляжу с любовью –
С мужской любовью –
Не забудь!
Бинты, пропитанные кровью,
Как красный крест,
Легли на грудь.
Второй рукой ты взял ребёнка
И заглушил сквозную боль...
Есть и моя в нетленных плёнках
Эпизодическая роль.

* * *

В больнице тишина,
И полночь за окном,
А в небе глубина
Рождает дальний гром.
Там жизнь,
А я лежу,
Бросаю взгляд в окно,
Сподобленный ужу,
Но мне не всё равно.

Сквозь суету теней
Идёт ко мне рассвет
И мама,
А на ней
Цветной платок надет –
Из голубых полос
И потускневших звёзд,
Над прядями волос –
Нечёсанных берёз.

И Родина, и мать
В глазах слились в одно
И на мою кровать
Смотрели сквозь окно.
И голос был один,
Идущий от души.
Какой-то исполин
Меня в ту ночь душил.

А голос тот родной
Мне говорил: «Держись,
Я, как всегда, с тобой
Отстаиваю жизнь.

Я поведу тебя
В аллею тополей,
Где журавли трубят.
Ты только не болей.

Как в битвах трубачи,
Они снимают боль,
И чуткие врачи
Склонились над тобой.
Движенья белых рук,
Как взмахи журавлей,
И обостренный слух...
Ты только не болей.

Осенний листопад
Постлал тебе ковёр,
Ветвями щедрый сад
Объятья распростёр.
Спокойную зарю
И тишину полей
Тебе я подарю.
Ты только не болей».

И Родина, и мать
С меня снимают боль.
И я обязан встать,
Чтоб стать
Самим собой.

Строителям Долгопрудного

Барак наш упирался в узенький проезд,
Но мы, заботясь пуще об эффекте,
Писали в адреса своих невест:
«Квартиру дали на проспекте.

А корпус наш (так нарекли барак)
Балконами просматривает площадь.
(Там грязь всосала мой башмак,
И я искал его наощупь).

А рядом – стадион на сорок тысяч мест...».
Он в письмах был и был у нас в проекте.
Вот так вселяли мы в доверчивых невест
Мечту о непостроенном проспекте.

Мы собственному верили вранью.
И, забывая о барачных клетках,
Хватали на ходу растворную бадью
И поднимались вверх по пятилеткам.

Молодожёны жили кое-как,
За ширмами у односпальных коек,
Оттуда уходили на рабфак
Творцы грядущих новостроек.

Гудел барак созвучием друзей.
И нам хотелось бы из шлака и фанеры
Один барак оставить как музей –
Он был началом нашей эры.

Теперь бараками не удивишь невест.
И так же пишут, но в другом аспекте...
Исчез барак и узенький проезд...
Друзья живут на Ленинском проспекте!

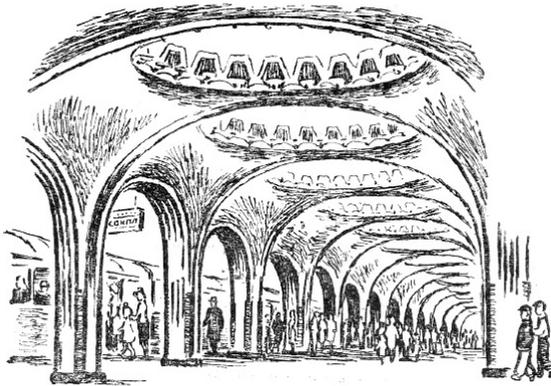
В метро

Люблю я по-своему наше метро.
Оно на глазах выросло...
Мне кажется, шелестом нежных ветров
Наполнены светлые залы.

Шумливым потоком бегут поезда
Под толщей земного покрова;
Мне кажется, так же рокошет вода
В теснинах Кавказа седого.

Здесь люстры, как солнце, а мрамор – цветы
В утреннем майском саду...
Такого цветенья, такой красоты
Я больше нигде не найду.

13.02.1949 г.

Наш мраморный завод

У Дорогомиловской заставы,
Где воздух синевой цветёт,
Есть пивоваренный, а вправо –
Стоит ещё восьмой завод.

Но если спросите о нём,
То даже старый местный житель
Замнётся, скажет:
– Днём с огнём восьмой не сыщешь. Извините.

Да подмигнёт ещё лукаво:
– Здесь пивоваренный... А тот...
А вы чуть-чуть возьмите вправо
И там найдёте наш завод.

По корпусам он небольшой,
Но без него (хоть он и мал!)
Не мог бы славный Метрострой
Внести сиянье в каждый зал.

Здесь всё есть: бронза и гранит,
Цветных камней большой набор.
Рисунок мрамора хранит
Природой созданный узор.

Здесь необычное искусство:
Монументальное панно,
В граните, мраморе и люстрах
Движенья дней отражено.

Так полюбуйся, местный житель,
Каков завод со всех сторон!
Его изделия смотрите
На наших станциях метро.

13.11.1949 г.

Летописцы

Уютом ласковым родного дома
Встречает нас в метро размах дверей,
И видим мы на станциях знакомых
Работу летописцев наших дней.

Для словоруба летопись резная –
Обычный, скромный, кропотливый труд.
Его, с шахтёром вместе прославляя,
В столице метростроевцем зовут.

Помолодели вековые плиты
В умелых метростроевских руках, –
Горят огнём, сверкая на граните,
Слова вождя, и песня, и рассказ.

И в буквах огненных, в волшебном их сиянии
Мы видим то, чего достиг народ.
И слава наших дней в народное преданье
Пусть песней несмолкающей войдёт.

15.01.1950

Бригадир

Не боясь ни гроз, ни бури,
Поднимаясь по лесам,
Он взглянул в простор лазури
И за дело взялся сам.
Он уверенной рукою,
Как художник, в вышине
Оставляет за собою
Кант кирпичный на стене.
Меньше словом, больше делом
Говорит друзьям своим,
Как растёт он с домом смело
И бригада вместе с ним,
Как цветёт в нём вдохновенье,
И его труда тепло
Одевает дом в цветенье,
В мрамор, бронзу и стекло.
И в работе не заметил,
Как добрался до небес,
Как за ворот вольный ветер
Неожиданно залез.
Он ему в одно мгновенье
Растрепал кудрей пробор,
И с высот с весёлым пенъем
Полетел на новый двор.
И, кружась над сквером ярким,
К пионерам он подсел
И, цветы целуя жарко,
С ними песенку запел.
А когда у бригадира
День рабочий отшумел,
В синь хрустального эфира,
Словно светлый символ мира,
Флаг над аркой заалел.

09.04.1950

Лепщик

Цветы прозрачные нанизаны
В метро под светлыми карнизами
Венком весеннего цветения...
Не оторвешься – заглядение.

И вновь в моих глазах встаёт
Он, мастер наш лепных работ.
Верстак не снегом замело –
От гипса всё на нём бело!

И мастер, сам от гипса бел,
На розу нежную глядел.
В его руках, белым-бела,
Она мгновенно расцвела.

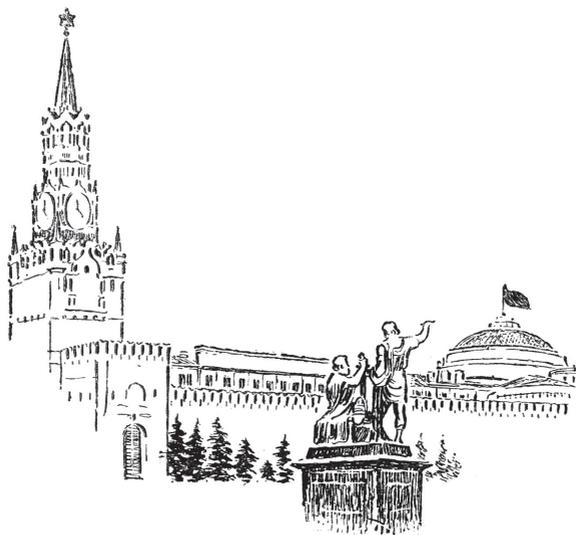
И если был бы гипс таким,
Как незабудки, голубым,
То расцвели бы, как в лугах,
Они у мастера в руках.

04.06.1950

Песня мраморщика

Метро наше — лучшее в мире. Мы вправе
Гордиться любимцем своим.
Подземные залы в чудесной оправе...
Мы эту оправу творим.
Метро неразрывно сроднилось с Москвою,
Как свет от рубиновых звёзд.
В сырые забои шахтёр Метростроя
Горячее сердце принёс.
Мы Родину славим, мы Сталина славим
Трудом беззаветным своим.
Сверкают подземные залы в оправе,
Мы эту оправу творим.

15.05.1951

Майская песня

У песен есть особенные крылья,
Никто не ограничит их полёт.
Сегодня звонких песен – изобилье,
Сегодня май ликует и поёт.

От городского центра до окраин
Все улицы в знамёнах и цветах.
Многоголосый возглас: «Сталин! Сталин!» –
Усиливает праздничный размах.

Идут, поют народные таланты,
И вторит им на площадях народ.
И кажется, он вместо транспаранта
Свою работу на руках несёт!

Он с гордостью несёт частицу плана
Гигантских строек и лесных полос.
Над головой цветы у мальчугана,
Он их в подарок Сталину принёс.

Смотрите, сколько их во всех колоннах
У наших резвых радостных ребят!
И золотые коймы на знамёнах
Кострами пионерскими горят.

01.05.1952

Золотой

Говорят, мой милый рыжий,
Видно, шутят надо мной.
Только я другое вижу:
Он не рыжий – золотой.
Его скромность и сноровка,
И бровей высокий взлёт,
И походка, и спецовка –
Всё меня к нему влечёт.
Говорят, что он нескладный
По комплекции своей.
Молчаливый... Ну и ладно,
Я люблю не для людей.
Эти шутки не забота,
Я не вижу толку в них,
Посмотрите, на работе
Он всегда в передовых.
Может, не такой красивый,
Но зато с какой душой!
Мой любимый, молчаливый,
Он не рыжий – золотой!

31.05.1953

На страже мира

Штыки свои давно мы отомкнули.
Погибшие взошли на пьедестал.
И наш солдат в почётном карауле
Стоит на гребне Пограничных скал.

А за спиной – Цимлянская плотина,
«Зарёю коммунизма» он её зовёт.
Его отец, дошедший до Берлина,
С великих строек сыну письма шлёт:

«Турбины двигая, вода ревёт и пляшет,
Её стихийный бег полезным бегом стал.
Недаром, – пишет он, – от Волги нашей
Мы к Дону перебросили канал».

Электропровода монтажеры натянули,
Танкисты в поле водят трактора...
Стоит солдат в почётном карауле
В честь нашего сегодня и вчера.

Он, как и все, мечтает стать героем
(У нас и без войны героем можно стать!),
Ведь всё, что мы сегодня строим,
Ему поручено беречь и охранять.

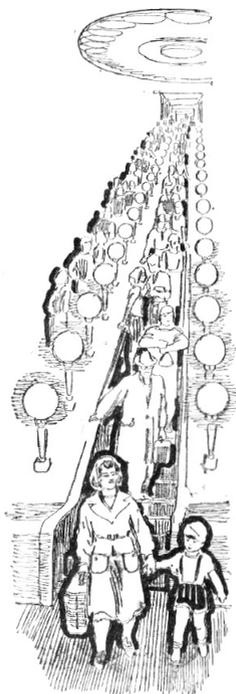
15.12.1954

Поэт и метро

В метро,
 где рабочий московский
Раздвинул
 подземные глыбы в потёмках,
– Хорошо! –
 сказал бы живой
 Маяковский, –
– И нам хорошо,
 и потомкам.
Я был за границей,
 но там не то.
Хорошо построена эта штука.
– Вам на вокзал?
 Прошу в метро!
Домчит мгновенно
 и деда, и внука.
Хорошо!
 Светло и тепло в поездах!
Мгновенье –
 и скрылся от глаза.
Рокочат они,
 как рокочет вода
В теснинах
 седого Кавказа.
Уютно и радостно
 в нашем метро,
Колонны
 стройные встали,
И воздух
 потоками южных ветров
Гуляет
 по светлым залам.

– Стихи, или станции? –
С жестом броским
спросил бы поэт. –
Спорить не будем.
И вы, метростроевцы,
и я, Маяковский,
Полезное, нужное делаем
людям.

15.05.1955 г.

На целине

Родные ворчали:
– Ведь там – в Казахстане
Ты будешь один
Вдалеке от родни.

.....

Я из Полтавы.
Она из Рязани.
А думы у нас
И стремленья одни.
В Советской стране
Для полётов орлиных
Нету нигде
Пограничных столбов.
Мы убедились:
На землях целинных –
В наших руках
И судьба, и любовь.
Пусть же узнают
Родные в Полтаве:
Рязанские
Тоже им стали сродни –
Жена и малыш
У меня в Казахстане.
Так что
Напрасно ворчали они.

22.05.1955 г.

Твой труд

*Полировщицам
камнеобрабатывающего завода*

Бесформенным лежит
В горах
Гранит и мрамор,
В нём блеска нет,
И нет той глубины,
Что видим мы
Под сводами ли храмов,
На станциях метро,
Иль во дворцах страны.
Отдельвало
Каменные плиты
Немало ловких
И умелых рук.
Ты, высекая искры
Из гранита,
Вела упорно
Шлифовальный круг.
И серый веер пыли
Разметался,
Взлетал и падал,
Падал и взлетал...
И покажись ты
Вот такой на танцах,
Тебя бы вряд ли
Кто-нибудь узнал.

С кристаллами
Смешались капли пота,
Застыли
И сияют заодно.
И в плитах вижу я
Лицо твоей работы:
В нём наше время
Всё отражено.
А как красив узор
В сплетении тонких жилок!
Прозрачным камень стал
И чище, чем стекло.
Чтоб пламенел он,
Ты в него вложила,
Как говорят,
И душу и тепло.

27.11.1957 г.

Наша эмблема

Десятки знаем мы эмблем,
Но эта буква... Буква «М»
Над вестибюлями метро
Сияет днём, как серебро,
По вечерам на площадях
Горит, как молнии зигзаг.
Какой же смысл она таит
Тут, опираясь на гранит?
Не ошибётся пассажир,
Приняв её за МАЙ, за МИР,
Как и МЕЧТА, как и МОСКВА,
Она значения полна.
В ней наш успех и торжество!
Над новой линией метро,
Вся пламенея, буква «М»
Радужно путь укажет тем,
Кто, перекрыв за далью даль,
Приедет к нам на фестиваль.

04.05.1957

Наши годы

Сорок лет для нашей планеты –
Капля в океане времени,
А для нас – для страны Советов –
Эпоха Ленина!

Это войн оборонных свинцовый ветер,
Это мирных строек стальные скрежеты,
Это путь к негасимому свету
Из тьмы и невежества.

Сорок лет – это мощный молот,
Разбивающий цепи рабства,
Это навечно ушедший голод,
Это светлая вера в братство.

Сорок лет – это правда о мире
И осечка у тех, кто бряцает оружием.
Сорок лет – это ТУ-104,
Идущий с визитами дружбы.

И я беспредельно счастлив,
Что вижу великие восходы,
И всей человеческой страстью
Люблю эти бурные годы.

30.06.1957 г.

Киевская-Кольцевая

Здесь веяньем
Украинских ветров
Ласкает нас
Упругая прохлада.
Через триста лет
В московское метро
Вошёл Хмельницкий,
А за ним – вся Рада.

...Гудел от русских вотчин
До Карпат,
От черноморских волн
И до земель литовских
Призывно
Торжествующий набат –
Переяслав встречал
Послов московских.

С открытым сердцем
Шли они сюда.
И старшему из них
Богдан открыл объятия,
И обнялись они,
Чтоб больше никогда
Не разлучаться
Двум народам-братьям.

– Казаки, русский люд
Нам руку протянул,
С народом этим
Мы давно едины, –
Сказал Богдан.
И одобренья гул

Взлетел
Над изнурённой Украиной.
– Без переводчика
Понятен нам язык
Народа русского,
Как, наш ему понятен. –
И вдаль,
За частокол казацких пик,
Призыв к единству
Полетел крылатый.

...Свет ярких люстр
Дробится в хрустале,
Как дождевые капли
Под лучами.
И день и ночь
В немеркнущем огне
Хмельницкий булаву
Над Радой поднимает.

30.06.1957 г.

Шахтёрская семья

(к скульптуре)

На пьедестале вижу я
Семью богатырей –
Идёт со смены вся семья
По парку меж ветвей.

Я слышу, как гудит их шаг,
Литую вижу грудь
И капли пота на висках
Тяжёлые, как ртуть.

К рукам прилипла трудовым
Угля и масел смесь.
Пожать бы крепко руки им
Такие вот, как есть!

За то, что внук, как дед-шахтёр,
Не отстаёт в строю,
В глазах у каждого задор
И гордость за семью.

Ведь ежедневно на плечах –
Сто тысяч тонн земли,
Но не согнулись люди шахт,
На труд и подвиг шли.

Я знаю их, друзей своих,
Таковыми вот, как здесь:
От пыли угольной черны,
В спецовке, словно жечь.

Перекликались молотки,
Гудел комбайн «Донбасс»,
Стальные зубья, как штыки,
Вонзая в твёрдый пласт.

Мерцает свет, как россыпь звёзд
В глуби ночных небес.
(Не успевал электровоз
Возить крепёжный лес).

А серебристый уголёк
По транспортёрам в штрёк,
Начав в забоях свой исток,
Бежал теченьем рек.

...Шахтёров в парке встретил я
В цветах среди ветвей –
На пьедестале их семья,
Семья богатырей!

30.06.1957 г.

Незаменимые

«Нет у нас незаменимых», –
Говорят и говорили.
Кто заменит нам любимых,
Кто?
Об этом позабыли.
Ведь не спится, не сидится,
Если нет любимой рядом.
Кто заменит нам в больнице,
Скажем, няню с добрым взглядом?
Помню, как за редким лесом
Шли на нас фашисты скопом,
Как мы в дружбе с артзавесой
В бой рванулись из окопа.
В пекло боя из санбата,
При каком не помню ранге,
Врач,
Прикрытая халатом,
Приходила, словно ангел.
Санитары – все мужчины
К ней:
– Не справимся никак мы,
Уложила половину
Эта жуткая атака.
Санитаров отстранила:
– Надо, дескать, по-другому.
Одному шепнула:
– Милый.
– Потерпи, родной, – второму.
Проклиная свист металла,
Встали мы, держась за вьюгу.
Полумёртвых поднимала
Наша верная подруга.

Мы из женских рук водицу
Пьём со вкусом, рады лопнуть...
И вязать вы мастерицы,
И коров доить, и штопать.

Кто заменит вашу ласку,
Приголубит, как ребёнка?
Мы, мужчины, все с опаской
Смотрим в детскую пеленку.

Кто ткачиху нам заменит?
Кто оценит так зарплату?
В женском деле – мы тюлени,
Пальцы наши толстоваты.

Все вы кем-нибудь любимы
Там, где жили и живёте,
А любовь незаменима
И в семье, и на работе.

08.03.1958 г.

«Липовый» штат

На заводе идёт
Сокращение штата.
А кого сократить?
Все свои же ребята...

И решил наш директор
(Не без риска)
Изменить
Должностные списки.

Не то через свата,
Не то через тестя
Сумел утвердить
Эти штаты он в тресте.

С удивленьем узнали:
Теперь в штатном списке
Появилась графа
«Инженер по очистке».

И чудесное дело
Перерожденья:
Стал инженером
Работник снабженья.

А в одной хозбригаде
Участок стал «узким» –
Появился и там
Инженер по разгрузке.

Говорят те, кто в курсе:
По новому штату
Стал инженером
И калькулятор.

Что ж, главное – кадры.
Поэтому в тресте
Хвалят директора.
А «кадры» – на месте...

30.06.1957 г.

Экзамены

Сыночки, дочки мамины,
Вы были бледнолицыми
На конкурсном экзамене,
Забыли об амбиции.
Всё, что вас ждёт, осмыслили
И досконально взвесили.
Вас в институт зачислили.
Пять лет вы были веселы.
Сыночки, дочки мамины,
Чем вы сейчас расстроены?
Что, вновь вас ждут экзамены –
На землях неосвоенных?
Вот отчего раскисли вы,
Свои носы повесили.
С дипломом лишь осмыслили:
Не нравятся профессии.
Мы знаем, не до смеха вам,
Сыночки, дочки мамины...
Куда б вы ни поехали –
Везде вас ждут экзамены.

Медвежьи услуги

Муж суп варил.
(В глазах твоих смешинка).
Поставил и забыл,
А после всем твердил:
«У нас автоматическая
Керосинка. Суп закипит.
И гаснут фитили».
В квартире плавал
Сизый дым угара,
И копоть покрывала
Нежный тюль,
Трещала голова у «кулинара»
От звяканья тарелок
И кастрюль.
На кухне муж –
Считай, медведь в упряжке,
Недаром ты его
Топтыгиным зовёшь.
Он о рукав
Тобою стираной рубашки
Спокойно вытирает
Сальный нож.
Да, от его забот
Прибавились заботы.
И не случайно
Он рванулся на завод:
На свете лучше нет
«Мужской работы»,
Где деньги платят
И всегда почёт.

На кухне правишь снова ты, жена,
Твой инструмент – от миски до ножа,
Обед варить берёшься вновь сама,
Хотя с ночной ты смены – не спала.

21.03.1959 г.

Золото

Я не в браслет из золота,
Не в медальон влюблён,
А в блеск серпа и молота
На бархате знамён.

Люблю, коль у рабочего
В руках горит топор.
Люблю я позолоченный
Родных небес простор,

И труженика славного,
И тех, кто рвался в бой,
Чья грудь теперь украшена
Гранёною звездой.

Люблю я позолоченный
Прибой ночных полей.
Созревшие и сочные
Люблю плоды с ветвей,

Колосьями оправленный
Наш Всесоюзный герб,
Румяный, как расплавленный,
В пекарнях белый хлеб.

Люблю, когда распорота
Грозой громада туч
И грозное золото
Летит с небесных круч.

Когда дрожит под молотом
Деталь, как солнца диск...
Люблю живое золото
И вихри ярких искр!

14.09.1957 г.

Символ счастья

В тот грозный час
В осеннем небосводе
Внезапно молнии
Пронзили облака.
И грянул гром
Наперекор природе –
«Авроры» залп
И «дождь» с броневика.

Эсеров лихорадило
И Зимний –
От поступи
Балтийских моряков...
Отряды шли
Под смертоносным ливнем,
Тьму разрывая
Гранями штыков.

В Неве осенней
Отражались тени.
У питерцев –
Железная рука.
Они узнали:
Штаб возглавил Ленин!
И снова
Молния пронзила облака.

Великий день –
Рожденья новой власти
И дружбы всех
Народов и племён,
И через сорок лет
Как символ счастья
Ты светишь нам
Сиянием знамён.

И реют в небе
Сотни эскадрилий,
Как молнии
В семнадцатом году.
Вот эту мощь
На краснозвёздных крыльях
Герои наши
В Космос поведут.

07.11.1957 г.

Гостья из колхоза

Лёгкую вспышку испуга,
Сияние сельского лета
Привезла из колхоза подруга
В глазах василькового цвета.

На простеньком ситцевом платье
Цветы луговые набросаны.
Я принял её в объятия
Со всеми её вопросами.

Вопросы посыпались сразу же,
Сдержать их теперь невозможно.
Камень её восхищает каждый.
– Кем и когда он положен?

– А что то за площадь широкая?
– Не это ли главная улица?
И она, черноволосая,
То откроет глаза,
То зажмурится.

И в полночь она не устала
Москвой любоваться внимательно.
Не только метро –
Подъёмные краны
Казались ей обаятельными.

На всё это смотрят, как в сказке,
Её васильковые очи.
Лишь утром у башни Спасской
Она мне шепнула:
– Спокойной ночи...

17.11.1957 г.

Мы их перегоним

Спит весна под пушистым покровом.
Вся Россия в хрустальной резьбе.
Родина! Прежде, чем встретиться с новым,
Мы за старый должны поклониться тебе!
Ты величаем своим и радушьем
Напугала заморских господ.
Но зато твою чистую душу
Полюбил созидатель-народ.
Он уверен – мы их перегоним
В поголовьях скота, в запасах зерна.
До смешного боятся владельцы колоний,
Что Советской республикой станет Луна.
С Новым годом, товарищи! С Новым!
И стучат в унисон миллионы сердец.
Пахнет в комнатах лесом еловым,
По стеклу пробежал невидимка-резец.

01.01.1958

Павлик и Дед-Мороз

Дед-Мороз был очень зол,
Всех хватал за уши,
Кто на улицу пришёл,
А обед не скушал.
Павлик ест всегда борщи
И супы, и кашу.
Пусть себе мороз трещит,
Он ему не страшен.
Во дворе сильнее нет
Мальчигов, чем Павка.
Потому, что он в обед
Просит дать добавку.
Тот, кто просит: «Дай ещё
Щей, борща, котлету», –
Тот всегда розовощёк
И здоров при этом.
На таких ребят притом
Дед-Мороз не злится.
Даже в стареньком пальто
Им не простудиться.

04.01.1958

Прочный сплав

На службе воин. А мамаша
Украдкой плачет о живом:
«Небось, без масла кормят кашей.
А сколько вёрст прошёл пешком?
Поди, продрог под мокрым небом,
А, может, лёг в колючий снег?
К нему поехать надо мне бы.
Легко ли накормить там всех.
Я – мать. Портнихой, поварихой
Была б ему. Он слишком слаб...».
А сын ей пишет: «Хлопцев рыхлых
Здесь превращают в прочный сплав».

23.02.1958

Строители

Мы входим в шахту,
Как в ночь разведка,
Как будто враг там,
За вагонеткой.
А дальше – темень.
Там наша вахта,
А рядом тени
Дрожат от страха.
Они пугливы
И нас подводят.
Мы торопливо
От них уходим
Туда, где дождик,
Как россыпь дроби,
Стучит тревожно
По грубой робе.
Земля без боя
Не сдаст позиций.
И мы в забоях
Должны пробиться.
К бригаде встречной,
К такой, как наша,
По-человечьи
За них нам страшно.
Их там вот так же
Всосала глина.
И дождь, как тяжесть,
Висит на спинах.
Мы в грудь земную
Вставляем тубинг,
Пльвун штурмуем
И скалы рубим.
Мы так же споро
Стыкуем рельсы.

Мы и шахтёры,
Мы и путейцы.
Закован труд наш
В бетонный панцирь
По всем маршрутам
Подземных станций,
Закован в бронзу
И в хрупкий камень.
Любую розу
Мы отчеканит.
Метро мы строим
Тебе,
Столица,
И мы к героям
Должны пробиться.

29.06.1968 г.

Утро

Тряхнул петух своей короной
И брата вызвал на дуэт.
Обрызгал гулкие бидоны,
Как будто никелем, рассвет.

Над фермой плыл туман молочный,
И, как разрезанный арбуз,
Вставало солнце зрелым, сочным –
Таким, что чувствуешь на вкус.

23.11.1958 г.

Летопись на камне

Как переплёт тиснёный редкостного тома,
Доска мемориальная, свидетель прошлых лет,
Что на фасаде исторического дома,
А на доске – знакомый силуэт.

Здесь Ленин выступал, –
Нам золотые грани
Чеканных слов об этом говорят.
И там, в лесу, где друг мой партизанил,
На обелиске надписи горят.

Та летопись на каменных страницах
Для мастеров – обычный скромный труд.
У нас не знают их как летописцев –
Каменотёсами зовут.

Им подчинён и благородный мрамор,
Что неизвестным скульптором открыт,
И непокорный, трудоёмкий самый,
Столетиям предназначенный гранит.

И если нет у них в душе горенья,
Поблекнет яркая строка.
К солистам с музыкой приходит вдохновенье,
А к ним – с увесистым ударом молотка...

Болят ожогами мозоли и ушибы,
Но мастера не замечают их.
Слова, как гимн труду, врезают в глыбы
Каменотёсы в наших мастерских.

23.02.1968 г.

Земляк

Октябрь.
Непогода.
Конец старому миру.
Двадцать два года
Всего командиру.

Привёл
 в Петроград он
Пятнадцать тысяч
В тельняшках,
 в бушлатах,
А сам –
 москвич он.
О нём мы
 с любовью
Поём и пишем:
– Из Подмосковья,
Из наших вышел,
Родился в районе,
Где не было моря.
Он с детства понял
Народное горе...
И первым
 из первых
Срывал он
 оковы.
Гордимся
 все мы
Железнякавым.

12.11.1957 г.

Подмосковные зори

«Всегда ль в Подмосковье сиянье зари, –
Нас внуки когда-либо спросят, –
Каким-то особенным светом манит?..»
Ответим мы им: «Двадцать восемь
Поля лучезарною кровью зажгли,
С тех пор наши зори пылают.
И словно к вечерней поверке вдали
Панфиловцы стяг поднимают».

23.02.1973 г.

На чужой волне

Он был наивен, как ребёнок,
И раздражал свою семью,
Что по ночам крутил приёмник
И верил платному вранью.
А после сам о загранице
Елейно пел, разинув рот,
Что кошка там, как наша львица,
У нас же лев такой, как кот.
Что жизнь там разлюли-малина,
Нейлон, капрон и прочий дым,
Что наши люди и машины
В подмётки не годятся им.
Дней пять ходил он, помню, хмурым.
Глаза, как чёрные нули,
Лишь потому, что из Мельбурна
Успех спортсмены привезли.
Но оглушил сильнее пушек
Внезапный спутника сигнал
Всех тех, кто жил, развесив уши,
И тех, кто им безбожно врал.

11.12.1957 г.

Слово труженика

Дали пенсию, и, всё же,
Край родной, душа болит.
Ведь, когда я был моложе,
Сталь ковал, рубил гранит.
Дети выросли и внуки,
Каждый выбрал верный путь.
Отдохнул бы, да вот руки
Не дают мне отдохнуть.
Пальцы словно онемели,
Часто ноют по утрам.
Но они ещё в постели
Так и тянутся к делам.
Надо б в тапочки обуться,
Но, как двадцать лет назад,
Мои руки ищут ботсы.
В чём же тут я виноват?
Не хочу, чтоб о граните
Забывала пятерня,
Не могу и дня прожить я
Без кузнечного огня.
На меня ведь смотрят внуки.
Край родной, не обессудь,
Отдохнул бы, да вот руки
Не дают мне отдохнуть.

21.12.1957 г.

Вчера и сегодня

Скупые слёзы. Ночь войны.
Как тень, в квартире ходит мать.
Штыком немецким свет луны
Упал на детскую кровать.

И вот, солдатка, словно в гроб
Легла под холод одеял,
А муж в ту ночь копал окоп,
Махоркой сердце согревал...

Сегодня свет иной луны
Согрел и душу и сердца.
Его лучи отражены
В глазах и сына и отца.

И бывший воин, став к окну,
И устремив свой взгляд в зенит,
Подумал: «Вот и на Луну
Для сына путь уже открыт».

Отец

Он щедро раздавал покупки.
Верхом катались мы на нём.
А за серьёзные проступки
Хлестал словами, как ремнём.

Он был опорой и примером.
Я не заметил, как подрос
И перенял его манеры,
Они вошли и в кровь, и в мозг.

Возвращение

Не попала в институт.
На строительство пришла,
Где таких вот юных ждут
Неотложные дела.
Её кудри, словно флаг,
Развевались на ветру.
Мы её на стройлесах
Полюбили, как сестру.
Только парень вдруг пришёл,
И её от нас увёл...
Словно с корнем из земли
Вырвал дерево в цвету.
И мы даже помогли
Ей тогда, в минуту ту.
Говорили, что пора,
Что тебе уж двадцать лет.
И купили на ура
Свадебный букет...
В ЗАГС сводил – не обманул,
А потом он года три
Оставлял её одну
И орал: «Смотри!..»
Ревновал к кому не лень,
И к прохожим ревновал.
Стали дни, как один день,
Мир, как клетка мал.
Но протест всё рос и рос.
И прорвался:
– Я уйду!
Жить хочу я во весь рост
У народа на виду!

Не забыла коллектив.
Не забыла комсомол.
Говорят, ревнивый тип
Стал теперь на стройку зол.
Мы в обиду не дадим
Никого и никому!
Коллектив! – такой родни
Не понять вовек ему.

Слишком поздно

Помню,
В сорок первом грозном
Я негласным стал поэтом.
И, рисуя женский образ,
Видел лишь твои приметы.

Фантазировал
(Был молод):
Я солдатскими губами
Ощущал твой пышный волос,
Губ трепещущее пламя.

Светлым вымыслом хранимый,
В дни атак
Я не забуду,
Как захлёбывался дымом,
И тебя искал повсюду.

Время шло. Но наша встреча
В мирной жизни не случилась.
Годы мне согнули плечи,
И усталость появилась.

Правда, я счастливый папа,
И в семью свою влюблён я...
Вдруг явилась ты, внезапно,
И я вздрогнул,
Ослеплённый.

Словно в воздухе морозном
Увидал я взрыв ракеты,
И – отпрянул...
Слишком поздно,
Слишком долго
Шла ко мне ты.

Забывчивая мамаша

– Длинноносый Буратино! –
В гневе мать кричала сыну...
Время шло.
Сын стал взрослее.
Стал и нос его длиннее.
– Кто сказал,
Что сын мой страшен? –
Раскричалась вдруг мамаша. –
Как назвать посмели сына
Длинноносым Буратино?!

Над детской кроваткой

Ребёнок болен.
И моя жена
С опухшими глазами
Ходит двое суток.
Тревожная ночная тишина.
В неё слезами
Падают минуты.
Малыш опять
Заплакал в тишине
И побледнел
От приступов коклюша.
Когда он болен,
Боль его – во мне.
(И у отцов
Чувствительные души).
– Хороший наш,
И мы,
И вся твоя страна
Охвачены сейчас
Одной заботой.
Ты посмотри,
В окне качается луна,
Как детский шар,
Покрытый позолотой.
Ты видишь, как она
Меж мягких облаков
Безропотно с тобой
Играет в прятки.
Чтоб ты не плакал.
И от этих слов
Притих малыш
И задремал в кроватке.

Мы слышим,
Как снежинки
Падают в тиши,
И нам не верится,
Что где-то есть солдаты,
Способные
Ребёнка задушить
В такой великий век,
Когда расщеплен атом!

15.02.1958 г.

День

Я чувствую усталость
И душой и телом,
Как после продолжительных атак,
Если не кончу начатое дело,
Хрустят суставы, сжатые в кулак.
А день ушёл. Он не вернётся снова.
Мне тяжело и больно потому,
Что мною плохо он организован
И я не смог отдать свой долг ему.
Я ночью просыпался
Раз пятнадцать.
Рассвета ждал,
Как смены часовой.
И не успело солнце показаться,
Как я пришёл к знакомой проходной.
Мой новый день
Был взвешен и рассчитан,
Так, чтоб уйти бесследно не посмел,
Чтоб встал стеной
И цоколем гранитным,
И сотней разных и хороших дел.
Вот он уходит снова безвозвратно,
Но не бесследно.
Он живет во мне.
Успехом и усталостью отрадной
Он повторится
В каждом новом дне.

09.04.1958 г.

«Поэт»

Писал стихи поэт Безвестный,
Носил в газету и в журнал.
Стихи настолько «интересны»,
Что их никто не понимал.
Жена и та сказала скромно:
– Ты устремился не туда,
С твоей энергией огромной
Построить можно города...
И всё-таки его творенье
Однажды увидало свет:
То о разводе объявление
В газете поместил «поэт».

04.04.1959 г.

Её тепло

В морозы жена распрощалась со всеми,
Наказы и просьбы – обычный отъезд.
Я слушал её и почёсывал темя:
Наказы забуду, приедет – «заест».

Уехала. Дочка сказала:
– Без мамы
Холодно как-то.
– Ты свитер надень.
К зиме конопачу оконные рамы –
Стекло заменил я в тот памятный день.

Тепло, будто в бане (у нас батареи),
А дочка твердит мне опять об одном,
Что с мамой ей всё-таки было теплее
И даже с разбитым оконным стеклом.

08.03.1959 г.

Наши руки

Мы ими настойчиво землю ломали
В мороз, под огнём, углубляя окопы.
Они опухали, они обгорали,
На них оседала железная копоть...

Несли на руках мы того, кто был ранен.
А он прижимал их к тревожному сердцу.
Попутная лужа служила им баней,
А вьюга – походным была полотенцем.

Сейчас отдаём мы им должную почесть:
По-докторски часто и тщательно моем.
Но вместе с заботой – и руки рабочих
И руки учёных не знают покоя.

И вновь набухают упругие вены.
И стройку взметнула надёжная хватка.
Растёт и встречает рабочую смену
С зарёю восхода кирпичная кладка.

Отделкою станций, щитами в забое –
Везде управляют умелые руки;
Память над роялем, над скрипкой, гобоем,
Рождают для нас мелодичные звуки.

В страду на штурвале без усталости в поле.
Нужна ль операция, помощь науки –
Схватились со смертью и смерть побороли
Послушные разуму чуткие руки.

Друг другу мы жмём их при каждой удаче,
При проводах, встречах и в письмах – заглазно.
Да здравствуют руки! А как же иначе?
Мы жизни не мыслим без рук безотказных.

Утро на зимней стройке

Помню, кирпич неостывшей болванкой,
Красный кирпич мне ладони обжёг.
Морозы под тридцать, а я спозаранку
Смеялся сквозь слёзы. Иначе не мог.
Захнычешь – тебя же твой друг обхохочет.
Недаром девчонке кричал звеньевой:
– Я от природы морозоустойчив!
А если замерзну, оттаю весной.

05.12.1963 г.

* * *

В дверных и оконных проёмах
Гуляют всю сквозняки.
И под Москвой нелегко нам –
Подняли воротники.
– А в Братске теплее, ребята, –
Заметил всё тот же шутник, –
Там ветер от снега мохнатый.
...И всяк прикусил свой язык.

05.12.1963 г.

Удар

У парня коренастого
Недружелюбный взгляд.
Идёт и силой хвастает,
Толкает всех подряд.
Идёт,
А души заячьи
Твердят:
– Он нас таких
Троих смахнёт играючи...
И в переулочек – шмыг.
Идёт не на строительство,
Не на родной завод
(Где нам само правительство
Всю власть передаёт).
Как будто в прошлом
Хочет он
Застрясть
Одной ногой.
Навстречу мы, рабочие,
Улицей прямой
Идём.
А он сутулится
И курит, курит всласть,
Как будто входит в улицу
Совсем другая власть.
Проверить захотелось мне.
Столкнулись грудью в грудь.
Герой!..
Но нет в нём смелости
В мои глаза взглянуть –
Открыто
По-рабочему...
Я не пойду в обход.
И хочет ли, не хочет ли,
Не я, а он свернёт.

05.12.1962 г.

Переполох

Станину надо сдвинуть с места,
Но тяжело нам вчетвером.
– Иван, смотри, твоя невеста!
– Болтай, я с нею не знаком...
– А хороша!
С такой не против
Любой пойти с работы в ЗАГС,
Иван ворчит:
– Кого вы ждёте?
Мне просто совестно за вас.
А на уме: «Возьму и сдвину
И докажу, что с ней знаком.
Да. Сдвину эту вот машину,
Что не осилить вчетвером».
Не только он – так думал каждый,
И каждый мог, чего не смог.
Идёт невеста.
Чья? Неважно.
Идёт, несёт переполох!..
Но даже грубые мужчины
Мужскую честь не посрамят,
Когда простреливает спины
Не чей-нибудь, а женский взгляд.

Шофёр

Два плечистых карапуза
Золотым песком речным
Нагрузили полный кузов.
– Отправляй, чего стоим!
И шофёр, такой же ростом,
Дал сигнал, но самосвал
У песчаного откоса
Заартачился и встал.
Постепенно, словно в яму,
Оседают задний мост.
Но шофёр, шофёр упрямый,
Из шпагата сделал трос.
Дёрнул раз, второй... и сотый –
Не заводится мотор.
Растирая капли пота,
Призадумался шофёр.
Почему машина стала?
Не узнаешь без причин.
Может, масло расплескалось
Или кончился бензин?
И посыпались вопросы:
– Что случилось?
– Что пыхтишь?
– Я буксир, а это трос мой, –
Объясняет им малыш.
– Может, что случилось с шиной?
– Посмотри под колесом.
– Хочешь, мы твою машину
На руках перенесём?
А шофёр, совсем усталый,
Но с лукавинкой в глазах,
Говорит:
– А самосвалы
Разве носят на руках?

05.12.1962 г.

Слава труду

Мы знаем, с попутною песней
И жить, и любить интересней.
Нас песни на подвиг зовут.
Их дал нам возвышенный труд.

Он сделал творцом человека,
Хозяином нашего века.
Ракеты, что в космос идут,
Прославили радостный труд.

Идём мы аллеями сада,
Нас ветви встречают прохладой
И тут же плоды подают
За нашу заботу и труд.

Любовь неудачную лечит
И тех, кто войной искалечен,
Всё тот же отзывчивый труд.
В нём люди себя узнают.

Есть высшая в жизни награда –
Стать признанным членом в бригадах,
Что нас к коммунизму ведут.
Да здравствует радостный труд!

13.10.1963 г.

Я снова смогу

Я с упрёками не был знаком,
Должником не бывал и не буду.
Подвергая себя самосуду,
Я по жизни иду прямым.
Надо было – шёл воевать,
Надо строить – строю неплохо.
Столько дел поручала
Мне Родина-мать,
Будто мне одному
Отвечать за эпоху.
А сосед мой живёт карасём,
И меня это страшно бесит.
Отдал я тебе, Родина, всё –
И здоровье своё, и песни.
Ты же знаешь, что в годы войны
К нам пришла преждевременно старость,
И навечно
Струёй седины,
И осколком на мне расписалась.
А прикажешь –
Я снова смогу
Встретить смерть за тебя без раздумий...
Если я и остался в долгу,
То ведь я же ещё и не умер!

15.10.1963 г.

Москва – Фрунзе

I.

Ночь.
Москва.
Ил-18.
Звёзды.
Крылья,
Как серебряный каприз.
Обнимает нас
Столичный воздух.
Для него,
что русский,
что киргиз.
– От Москвы до Фрунзе
Шесть часов полёта, –
Объявляет диктор ГВФ.
По команде
первого пилота
Мы уходим в облачный рельеф.
...Позади
Остались перегрузки.
Восхищаясь мощью корабля,
Аксакал мне объяснял по-русски,
Что поднялся в небо
Из Кремля.
– Мы теперь и люди,
Мы и птицы.
Восемь тысяч
набираем – высота!
Я ему:
– А если что случится?
– Если трус, давай менять места.

– Я не трус,
Но смерть, мой друг,
не шутит,
Для неё, что русский, что киргиз.
Пассажиру нужен парашютик...
– Ты б вперёд смотрела, а не вниз, –
Оборвал меня киргиз с упрёком
И прищурил щёлки добрых глаз.
А в моторах начинался клёкот –
Сбавлен газ.
Вот и Фрунзе.
Утро гасит звёзды.
Над хребтами
Самолёт повис...
Обнимает нас Тянь-Шанский воздух,
Для него, что русский, что киргиз.

II.

Прилетел, как будто на звезде я.
Облака развеялись, как дым.
Здравствуй, Фрунзе,
Над горами рдея,
Всходит солнце
вечно молодым.
Красный вымпел
На подъёмном кране
Замелькал
И в тополях потух.
Человек для древнего
Тянь-Шаня –
Самый беспокойный друг.
У подножия
Расправил плечи город,
Словно
Пробудившийся атлет.
По утрам
вбегает прямо в горы
Свежими газетами рассвет.

Здравствуй, Фрунзе!
Ты же был Пишпеком –
Полунищим и полукушцом.
Говорю с тобой,
Как с человеком,
Так же, как
С панфиловским бойцом.
Словно телескопы,
Заводские трубы
Смотрят в небо.
Ты своих гостей,
Как киргиз,
Улыбкой белозубой
Повстречал у стройных тополей.
Здравствуй, Фрунзе!
Краснозвёздным шлемом
Встал внезапно аэровокзал.
Все мы люди
И стареем все мы.
Город против старости восстал.

III.

Я теперь друзьями обеспечен
Под Москвой и у Тянь-Шанских гор.
В основном народ чистосердечен,
С ним легко заводишь разговор.
С ним легко прокладываешь рельсы,
Тянешь к новостройкам провода...
Самолёт меня обратным рейсом
Унесёт, быть может, навсегда.
Потускнеют серьги
Фрунзенских акаций
И лиловые отары облаков.
Но останутся, как позывные наций,
Мудрость и дела большевиков.

IV.

До чего
во Фрунзе
Хороши
для души
Цветники и газончики,
Их медовый настой.
Там цветут колокольчики,
Как у нас под Москвой.
Там цветут
Гладиолусы,
Словно тихий огонь.
Её тёмные волосы
Обжигали ладонь.

О любви
Умолчу я,
О ней ни слова.
Не то улечу я
во Фрунзе снова.
Улечу и останусь
У Тянь-Шанских подошв,
Где висит над бараном
Окровавленный нож.

До чего же
во Фрунзе
хороши
беляши,
Пашлыки и лагманы,
Бешбармак и манты,
Не тревожьте мне рану –
Мы с ней были на «ты».

Легче, чем грация
У балерин.
Галлюцинация –
Для мужчин.
Чёрные косы,
Косы до пят,
Как чёрные росы
Глаза блестят.

Бархатный вечер
Повесил серьгу,
Я эту встречу
Забрать не смогу.

Цветники и газончики,
Их медовый настой...
Расцвели колокольчики
И у нас
Под Москвой.
Расцвели гладиолусы,
Словно тихий огонь...
И на русые волосы
Опустилась ладонь.

12.10.1968 г.

Кашира

Поэма

Я, как и все ребята в детстве,
Мечтал подальше заглянуть.
Однажды взял меня отец мой
В Каширу – в первый дальний путь.
И всем ровесникам на зависть
Под стук потрёпанных колёс
Я за отца вожжами правил,
И кони шли, как на овёс.
На звёздный дождь,
Что в час полночный
Рассыпан в небе,
Как в полях.
Вдали в таких же ярких точках
Был виден город на холмах.
Перед отъездом из деревни
Мне говорили старики:
– Стоит он патриархом древним
И смотрит в зеркало Оки...
Давным-давно,
Чтоб помнил наших,
В Россию устремленный враг –
Татарский хан, какой-то Кашир,
Оставил имя на холмах.
Построил крепость,
Но спокойным
Ни разу не был.
Спал в седле.
Не как герой, а как разбойник
Он успокоился в земле...

Народ веками эту притчу
Передавал из уст в уста.
А мне хотелось видеть лично
Преображённые места...
Обозы шли осенним трактом
С зерном от первой молотьбы.
Навстречу
К нам идущий трактор
Коней поставил на дыбы.
Я слышал тысячу проклятий,
Когда мешки упали в грязь.
– Иной мужик, – сказал мне батя, –
Как конь, встречал и нашу власть.
Не верил ленинским декретам,
Теперь не верит в ГОЭЛРО...
Я видел, как потоки света
Грязь превращают в серебро.
Такой накал в деревню к нам бы,
Где мать впотьмах легла на печь.
Небось, фитиль от старой лампы
До нас решила поберечь...
Я знал, мы едем к свету ближе.
Скрипела латаная снасть,
И на ковёр сплошных булыжин
Колёса сбрасывали грязь.
И у подъезда исполкома,
И у витрин изящных книг
Я не слышал такого грома,
Как на каширских мостовых.
С холма на холм на паре пегих
Летел небритый мужичок,
А мне казалось, на телеге
Стоит с кнутом Илья-пророк.
Поклон тебе, моя Кашира.
Электровёздами маня,
В ту ночь ты стала крышей мира
И первой песней для меня.

Но мой счастливый хрупкий голос
Оборван был взрывной волной.
Электролампа расколосась,
Осколки брызнули слёзой.
С глазами страшными навекат
Я первый труп перешагнул.
Я не кричал. Я знал, что криком
Не заглушу моторов гул.
Из слов отца я знал: на силу
Ответим силой – не впервой.
Фашизм ступил в свою могилу
Двумя, а не одной ногой...

Искрили день и ночь подковы,
Не умолкал колёсный гром,
Рыдали будущие вдовы,
Хрипел прокуренный райком.
– Слышь, секретарь,
Дорог окольных
Не вспоминай,
Кури табак,
Как и партийных, добровольно
Пиши на фронт,
Ты думал, как? –
Так говорил мужик кудлатый,
Что поднимался на дыбы.
– Эх, хорошо бы с супостатом
Покончить нам до молотьбы. –
И мешковатую походкой
Пошёл, гранатами крестясь...
Как говорят, прямой наводкой
Он танк взорвал не торопясь.
Фашистский танк свои же раны
Лизал огнём, как языком...
Так новоявленные ханы
Встречались с русским мужиком.

Мы и на фронте вспоминали
Тебя,
Как ласковую мать,
И окна,
Полные печали,
И тех,
Что нас умели ждать.
И рядовым, и командирам,
В окопах
И в госпиталях
Ты нам нужна была,
Кашира,
Как позывные в проводах.

Теперь большак, где первый трактор
Пугал коней и мужиков,
Стал асфальтированным трактом
Для всех систем грузовиков,
И отдалённые деревни
С тобой он сблизил навсегда.
...Коровам корм несут на фермах
Твои электропровода.
Я и печальное не скрою.
Ты постарела –
Мне видней –
На фоне
Небывалых строек,
Как в окружении детей.
В семи верстах,
В цветущих клумбах
Окреп, как сын твой, город-сад
(Об этом ступинские трубы
Приезжим людям говорят).

Но я бегу к тебе
С вокзала.
Ты ближе мне,
Твоя Ока
Меня за преданность ласкала,
Как будто женская рука.
Ведь ты у нас
Одной из первых
По личной просьбе Ильича
Несла
В высоковольтных нервах
Свой свет
И нам, и москвичам.
В голодный год, в разруху, в стужу
Неунывающим сердцам
Электросвет твой так был нужен,
Как донор раненым бойцам.
Ты нам была в то время вехой,
Была той точкой отправной,
Что направляет человека
По неизведанной прямой...

30.12.1961 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. В. Брей. Звеня одной цепи</i>	3
<i>А. А. Тернов. Родина побед</i>	9

Степан Федорович Аниканов (биография)	13
--	----

Дореволюционные стихи

Молитва ученика	15
«Люблю песни я петь...»	16
Воспоминание	17
Папиросник	19
Ткач	20
Мостовщик	21
Жизнь	23
В трудную минуту	24
Раздумия	25
Труд крестьянина	26
Страдалец	27
Сосед	28
Рассказ старика	30
Последствие водки	31
Памяти А. В. Кольцова	32
Посвящается И. З. Сурикову	33
Балалайка	35

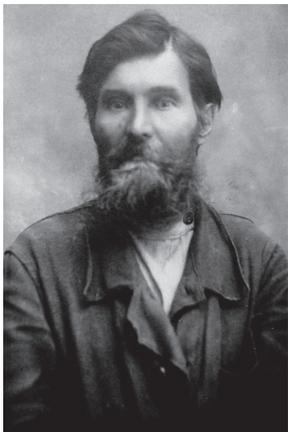
«Песни новые»

Наш путь	37
Памяти освободителей	39
П. Я. Заволокину	40
Разговор в вагоне	41
Наш (М.И. Калинин)	42
Отъезд селькоров	43
Памяти М. В. Фрунзе	44
Памяти С. А. Есенина	45
Памяти В. И. Ленина	46
Н. К. Крупской	47
Красный пахарь	49
Общей сводкой	50
Прежде и теперь	51

Сенокос	52
Посев клевера	53
Что я люблю	54
Собрались на сходке	55
Молодой батрак	56
Долой охи	57
Старый годами	58
Просвещение	59
Рост литературы и техники	60
Юбиляру Ф. С. Шкулёву	61
Н. Н. Захарову-Мэнскому	62
Бабка Матрёна	63
Не брани, родная мать	64
Жизнь без вина	65
Во всю ширь	66
Первая забота	67
Дума о деревне	68
«С каждым днём всё больше...»	69
Весна	70
Доля мужика	71
Дождевые миллионы	72
На фронт	74
В бой	75
Мобилизация лошадей	76
Песнь красного командира	77
Красная Армия	78
За свободу	79
Комсомолка	80
8 Марта	81
Равноправие	82
Новогоднее пожелание	83
Трёхлетие газеты	85
Выпуск учеников школы ФЗУ	86
Иначе смотрят	88
Имба-читальня	90
Учиться никогда не поздно	91
Труд и школа	92
Тов. С. С. Смирнову	93
Четверть века	94
Приезд в деревню	95
Наши достижения	97

Михаил Дмитриевич Аниканов (биография).....	99
<i>Т. А. Клабукова. Михаил Аниканов в годы войны.....</i>	<i>100</i>
Живая вода	101
Баллада о солдате	102
Сила песни	103
Война солдата в бой бросала(первый вариант)	104
Война солдата в бой бросала (второй вариант)	105
На привале(Солдатские разговоры)	106
Новобранец (первый вариант)	107
Новобранцу (второй вариант)	107
Дружба (первый вариант)	108
Матросская дружба (второй вариант)	109
Черноморцам	110
Севастополь	110
«Сапёр сказал однажды...»	112
«Сядем, друг мой, подытожим...»	113
«Хоронили на фронте солдат...»	113
Электросварщик	115
Каменщик и стихи	116
Плотник	117
Плиточник	118
Станок (первый вариант)	119
Станок (второй вариант)	119
Встреча	121
Бессмертие	122
«В больнице тишина...»	123
Строителям Долгопрудного	125
В метро	126
Наш мраморный завод	127
Летописцы	128
Бригадир	129
Лепщик	130
Песня мраморщика	131
Майская песня	132
Золотой	133
На страже мира	134
Поэт и метро	135
На целине	137
Твой труд	138
Наша эмблема	140

Наши годы	141
Киевская-Кольцевая	142
Шахтёрская семья (к скульптуре)	144
Незаменимые	146
«Липовый» штат	148
Экзамены	150
Медвежьи услуги	151
Золото	152
Символ счастья	153
Гостья из колхоза	155
Мы их перегоним	156
Павлик и Дед-Мороз	157
Прочный сплав	158
Строители	159
Утро	161
Летопись на камне	162
Земляк	163
Подмосковные зори	164
На чужой волне	165
Слово труженика	166
Вчера и сегодня	167
Отец	168
Возвращение	169
Слишком поздно	171
Забывчивая мамаша	172
Над детской кроваткой	173
День	175
«Поэт»	176
Её тепло	177
Наши руки	178
Утро на зимней стройке	179
«В дверных и оконных проёмах...»	179
Удар	180
Переполох	181
Шофёр	182
Слава труду	183
Я снова смогу	184
Москва – Фрунзе	185
Кашира	190

Степан Фёдорович Аниканов,
1924 год

Михаил Дмитриевич Аниканов,
1940-е гг.

Богатищево. Перед домом Матрёны Грачёвой, старшей дочери Степана Аниканова. Слева направо: Надежда Сарычева (троюродная сестра Т. Клабуковой); Татьяна Клабукова, Елена Брей, Юрий Грачёв, Наталья Старченко (Грачёва) – правнуки Степана Аниканова; Екатерина Аксёнова – праправнучка Степана Аниканова. 13.11.2019 г.

Литературно-художественное издание

Степан Аниканов
Михаил Аниканов

Дед и внук – поэты

Стихотворения

Компьютерная вёрстка – И. С. Фёдорова
Иллюстрации в книге – А. А. Брей

На обложке – черновики, публикации и фотографии
Степана и Михаила Аникановых.

На внутренней стороне обложки – мозаики Московского метрополитена:
«Мир во всём мире» (художник П. Корин), станция Новослободская; и
«Переяславская рада 8(18) января 1654 г.», (художники А. В. Мызин и
А. Г. Иванов), станция Киевская-кольцевая.

Подписано в печать 11.11.2020 г.

Формат 60х90 1/16 . Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBookC.
Печать офсетная.
Тираж 500. Заказ 000200-20.

Издательство «ММТК-СТРОЙ».
113035, Москва, 2-й Кадашевский пер., д. 10, кор.1
Отпечатано в ООО «ЗЭО»
142900, Московская обл., г. Кашира, ул. Стрелецкая, д. 70